

РОБИН
КИРМАН

НОВЫЙ
МИРОВОЙ
ТРИЛЛЕР

КОНЕЦ ЗАБЛУЖДЕНИЯМ

ОНА ХОЧЕТ ВСПОМНИТЬ.
ОН – ЗАСТАВИТЬ ЕЕ ЗАБЫТЬ.

Робин Кирман

Конец заблуждениям

Серия «Новый мировой триллер»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70192414
Конец заблуждениям: Издательство АСТ; М.; 2024
ISBN 978-5-17-152005-2*

Аннотация

Единственный смысл жизни – следовать своей страсти.

Джина и Дункан, молодая семейная пара, совершенно счастливы: он – талантливый композитор, недавно получивший крупный заказ, она – многообещающая танцовщица, грезящая Нью-Йорком. Вот только есть одно «но»: недавно с Джиной произошел несчастный случай и последний год жизни полностью стерся из ее памяти.

Она не понимает, почему отец не отвечает на звонки. Куда пропала лучшая подруга? Что за незнакомец пытается с ней связаться? В конце концов, она начинает сомневаться, так ли хорошо она знает своего мужа?

Пока Джина теряется в сомнениях, подозрения Дункана тоже начинают расти. На его автоответчик приходит пугающее сообщение. Кто-то знает о происходящем больше, чем он сам.

Рано или поздно заблуждениям настанет конец – и откроется ужасная правда.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	32
Глава третья	47
Глава четвертая	72
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Робин Кирман

Конец заблуждениям

Посвящается Эммануэль

Robin Kirman

THE END OF GETTING LOST

© 2022 by Robin Kirman

© Клемешов А.А., перевод, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава первая

Джина

Озеро Валензе, июнь 1996 года

В те времена, когда еще не существовало десятков способов связаться с человеком из любого уголка мира, а надолго покидая свой дом, приходилось прощаться с привычным порядком вещей, затеряться в мире было проще простого. Тогда только письма и открытки неспешно следовали за молодой парой, путешествующей по Европе, и двое влюбленных имели возможность отвлечься от серой реальности и уйти с головой в мир своих грез.

В июне 1996 года Джина и Дункан прибыли на озеро Валензе. Оно находилось менее чем в часе езды от клиники под Цюрихом, где Джина провела последние две недели, чтобы оправиться от травмы головы, полученной при неудачном падении в Берлине. Случай оказался не из легких, требовалась реабилитация, но теперь, когда Джина была способна обходиться без врачей и медсестер, они с Дунканом сбежали в этот укромный уголок Швейцарии. Пейзаж вокруг озера Валензе показался ей самым красивым и безмятежным из всех, что она когда-либо видела: белые домики с красными крышами в небольших деревеньках, пышные поля диких цветов, а за спокойной голубой водой – зеленые горы,

увенчанные молочными облаками. Они провели три дня в маленьком гостевом доме, совершая пешие и велосипедные прогулки по округе или катаясь на лодке. Дункан обычно не плавал – озеро было холодным, – однако Джина любила поплескаться в те часы, когда солнце стояло высоко. Она уставала уже после нескольких кругов и с наступлением сумерек выходила из воды и одевалась, зайдя в домик. Затем парочка переносила стулья на поросший травой берег, чтобы полюбоваться небом и озером, освещенным розовато-золотыми лучами заката.

В течение этого часа Дункан – композитор классической музыки – слушал в наушниках музыку на своем «Дискмане», а сидевшая рядом Джина читала роман Фицджеральда «Ночь нежна», который он купил ей в подарок на прошлой неделе. Если бы Дункан случайно не узнал, что в сюжете фигурирует цюрихская клиника, то считал бы, что это роман об очаровательной американской паре, путешествующей по Европе. В тот день, когда Дункан вручил Джине книгу, присутствующий при этом врач упомянул про швейцарский санаторий из нее, и Джина была вынуждена рассказать мужу, что это не особенно веселая история, что жена главного героя романа душевнобольная.

– О боже, тогда забудь об этой книге! – умолял Дункан, но Джина ясно дала понять, что сюжет ее совершенно не расстраивает. Напротив, ее успокаивало возвращение к роману, который она читала раньше и помнила лучше, чем недавние

события собственной жизни.

В последние недели она часто ощущала себя немного сумасшедшей, хотя врачи в больнице Западного Берлина и в цюрихской клинике настаивали, что пережитое ею – исключительно физическая травма. Ей диагностировали сотрясение мозга и внутричерепной отек, однако никто не мог предсказать, как быстро она восстановится. При этом все были единодушны во мнении, что ей повезло. Зрение и слух не пострадали, отсутствовали проблемы в речи и афазия. Ее ум оставался острым, рассуждения – здравыми, а настроение – стабильным. Приступы головокружения прошли, равновесие и координация движений полностью восстановились, и всего через две недели после травмы Джина совершала пробежки по швейцарским лесам.

И лишь ее памяти был нанесен серьезный урон. Она ничего не могла вспомнить ни о самом несчастном случае, ни о месяцах, предшествовавших поездке. Были и вещи, о которых она даже не подозревала, пока Дункан не упоминал о них: ее танцевальные выступления в этом году или отъезд из Нью-Йорка двоих близких друзей.

В то же время она вспомнила много такого, о чем давно забыла, словно ее разум встряхнулся во время удара и то, что было похоронено в глубине сознания, снова поднялось наверх: сцены из детства, например поездка с родителями в Италию, когда ее мать была еще здорова. Джина отчетливо видела ее – в белом платье, идущей босиком по пляжу, с тем-

ными кудрями до плеч, с широкой светлой, как белый песок, улыбкой – и с болью осознавала, что сейчас сама выглядит именно так.

Оказавшись перед лицом смерти, Джина почувствовала большую связь с покойной матерью и очень сблизилась с Дунканом, который после несчастного случая почти не покидал ее, чтобы убедиться, что жене предоставлен наилучший уход. Не впечатленный уровнем медицины в Берлине, куда Джина была госпитализирована сразу после падения, он предложил перевести ее в клинику недалеко от Цюриха, в которой практиковались более совершенные методы физической реабилитации. Джина была танцовщицей, и Дункан, сообщив об этом врачу, настаивал, что ей требуется особое лечение.

Цюрихская клиника была оборудована по последнему слову техники, и во время своего пребывания там Джина часто задумывалась, каким образом все это будет оплачиваться. У нее было большое наследство, доставшееся от матери, но Дункан категорически отказывался прикасаться к нему и требовал, чтобы она хранила деньги на отдельном счете. Он предпочитал жить скромно на то, что они зарабатывали, но на лечение средств не жалел.

– Я бы заплатил любую сумму, чтобы ты стала такой, как прежде.

Тогда-то Джина поняла, насколько Дункана ужаснула перспектива потерять ее. В некотором смысле этот несчастный

случай напугал его гораздо больше, чем ее саму.

Однажды она попросила его описать тот злополучный день: они пробыли в Берлине почти неделю, когда Джина решила отправиться на раннюю прогулку по городу. Дункан присоединился бы к ней, но в то утро на него снизошло музыкальное вдохновение, и он хотел перенести мелодию на бумагу. Пока Дункан работал, утро сменилось полуднем, а Джина так и не вернулась. Он уже начал нервничать, когда в его комнате зазвонил телефон. Это был администратор отеля с сообщением из местной больницы о том, что с Джиной произошел несчастный случай.

Дункан помчался по указанному ему адресу: в больницу Шарите на Луизенштрассе. Лечащий врач Джины рассказал ему о случившемся: оказалось, ее нашли на строительной площадке на Потсдамской площади. Похоже, она пошла осматривать одну из закрытых секций, по пути поскользнулась и ударилась головой о кусок трубы. Туристы обнаружили ее без сознания и вызвали «Скорую помощь». В кармане у Джины оказался ключ от отеля с номером комнаты, благодаря которому ее опознали и связались с Дунканом. Тогда прогнозы были неопределенными, врачи не знали, в каком состоянии она будет, когда очнется.

– Я думал, что потерял тебя, – рассказывал Дункан. – В ту ночь в больнице я словно прожил жизнь без тебя, словно тебя не стало.

В моменты, когда Джина ловила на себе его взгляд, она

понимала, что это правда – он, казалось, не верил, что она реальна, словно она могла исчезнуть в любую секунду.

– Я все еще здесь, – поддразнивала она его, ободряюще улыбаясь, при этом тщательно скрывая собственные мысли: конечно, физически она была тут, но какую часть себя она потеряла?

Она просила Дункана напомнить обо всех крупных событиях последнего года, однако он утверждал, что ее жизнь практически не изменилась. Она продолжала танцевать с той же экспериментальной труппой, а Дункан продолжал играть на пианино, аккомпанируя номерам. Они творили вместе: Дункан сочинял музыку, а Джина ставила под нее танцы. Единственное, что изменилось, – Дункан получил свой первый значительный заказ, который позволил им совершить это путешествие – их запоздалый медовый месяц. Они поженились больше года назад и стали первыми в кругу своих молодых друзей, кто сделал это. Но до сих пор не смогли найти ни времени, ни средств для такого беззаботного путешествия. Наконец все удалось, и теперь они находились здесь.

Их поездка, по словам Дункана, должна была занять все лето: начаться в Берлине, затем продолжиться на западе Европы. Они планировали отправиться либо в Мюнхен, либо в Вену, но передумали в тот день, когда Джину выписали из клиники Цюриха. Они сидели в кафе, и она заметила газету «Интернэшнл Геральд Трибьюн», оставленную на столе. Америка готовилась к осенним выборам: Клинтон против

Доула. В России тоже проходили первые президентские выборы, и Борис Ельцин боролся за сохранение власти. Той же весной боснийские военные преступники предстали перед судом ООН; в результате взрыва, устроенного ИРА¹ в Манчестере, пострадали двести человек, а в Америке был задержан и осужден террорист, прозванный Унабомбер, которым оказался некто по имени Тед Качинский². Пока Джина читала, ее сердце бешено колотилось от осознания, что она столько всего пропустила, что ничего не знала об огромном количестве происходящих в мире событий. Вскоре после этого они договорились остановиться на озере Валензе – в месте, где никто чужой не мог слишком внезапно пробудить ее воспоминания, не считая хозяйки, которая приходила, чтобы поставить свежие нарциссы в их комнату. В месте, где было легко забыть об огромном сложном мире, а значит, и о том, что забыла она.

Теперь, в четвертый и последний день здесь, они с Дунканом планировали взять напрокат машину хозяйки, дабы посетить хребет Курфирстен и дойти до Паксмаля – знаменитого памятника мира.

Сразу после завтрака пара поехала к подножию горы, чтобы начать долгий крутой подъем. Путь наверх был трудным, и Джина поймала себя на мыслях о человеке, который сот-

¹ Ирландская республиканская армия.

² Американский математик, социальный критик, террорист, известный своей кампанией по рассылке бомб почтой.

ни раз в одиночку проделывал этот путь, чтобы построить памятник: прямоугольное каменное здание с широкими колоннами, бассейн перед ним, отражающий свет, и по обе стороны от него – каменные стены, украшенные мозаикой. Согласно путеводителю, вся эта работа была выполнена одним художником и стоила ему двадцати пяти лет изнурительных усилий. История одинокого человека, воплощающего свою идею, тронула Джину. Она обняла Дункана и крепко прижалась к нему. Она всегда стремилась к жизни творца, страшась одиночества, порой присущего этой профессии. Какое счастье, что у нее есть Дункан! Ее муж – человек, которого она любит, и композитор, с которым может творить, делясь прекрасным.

* * *

Спускаться с горы оказалось куда проще, но все же к тому времени, когда они с Дунканом вернулись в гостевой дом, чтобы пообедать, было больше двух часов. Повариха проявила недовольство из-за того, что ей пришлось так поздно подавать еду, и она не преминула напомнить им, что обычно к этому часу обед уже должен заканчиваться.

– Похоже, это не просто стереотип, – пробормотал Дункан себе под нос, – про швейцарцев и время.

В наказание женщина подала ту же еду, что и накануне: просто разогрела лосось с картофелем.

Пока Джина ковыряла рыхлый кусочек картофеля, Дункан отодвинул тарелку.

– К черту, у нас же есть машина. Давай съездим куда-нибудь и поедим по-настоящему.

После обеда они подошли к стойке регистрации и Дункан сообщил хозяйке пансиона, мисс Арнер, что на ужин их не будет.

– Думаю, мы с моей женой проведем вечер вне дома.

Моя жена. Это слово показалось Джине чужим; определения *жена* и *муж* они с Дунканом использовали только наедине, когда им не нужно было скрывать, насколько они важны для них, несмотря на архаичность.

Они вернулись в свою комнату, и Джина заметила, что солнце еще достаточно яркое, поэтому было бы неплохо поплескаться в озере. Дункан согласился, но осторожно зашел в воду только по пояс, в то время как Джина с визгом прыгнула и плавала кругами, пока хватало сил.

Когда она, дрожащая, вышла на берег, озаренный последними лучами солнца, Дункан уже ждал ее с полотенцем, в которое обернул и себя, и Джину, согревая ее своим теплом. Когда он заговорил, прижавшись грудью к обнаженной спине жены, его слова, казалось, вибрировали внутри нее:

– Мне кажется, я никогда не был так счастлив.

Около шести они начали собираться. Дункан насвистывал, облачаясь в желтый льняной костюм, который купил перед отъездом из Цюриха. Он не взял с собой много одежды, предпочитая путешествовать налегке, докупая по дороге все необходимое. Джина надела голубое платье, затем поискала шелковый мешочек, в котором лежали ее драгоценности.

Их было не слишком много: пара бриллиантовых сережек, которые она получила от бабушки с дедушкой на выпускной в средней школе, браслет, купленный во времена учебы в колледже, когда она отправилась в город со своей лучшей подругой Вайолет. Самым заветным сокровищем было кольцо, подаренное матерью, с желтым камнем – не драгоценным, но экзотическим: оно служило обручальным, пока Дункан не смог купить подходящее на те небольшие деньги, которые у них были. Джина заметила, что кольцо немного свободно сидит на пальце; очевидно, она слегка похудела из-за стресса, вызванного травмой.

Шаря в мешочке и поисках кольца матери, она обнаружила запутавшуюся цепочку. Это оказался серебряный браслет с турмалиновым камнем в центре. Вероятно, он был от ее отца или родственников из Санта-Фе, подумала она, но когда перевернула украшение, то заметила на обороте надпись: *«Моей любимой»*.

– Это ты мне подарил? – спросила она Дункана, задумавшись, что он слишком хорошо знает ее вкус, чтобы выбрать такую банальную вещь.

Он положил браслет на ладонь и посмотрел на надпись.

– Это от твоей тети. Какая-то семейная реликвия.

Могла ли Джина забыть о таком? На мгновение она почувствовала неловкость из-за того, что была не в состоянии вспомнить, но приказала себе не заикливаться на подобных деталях. Так ли ей нужно знать историю каждого маленького предмета, находящегося в ее распоряжении, – бесчисленные крупицы информации, которые мы носим с собой и позволяем им каким-то беспорядочным и произвольным образом формировать наше представление о себе? Она обнаружила, что в забвении есть свобода, будто все эти крошечные наросты были слоями одежды, не позволяющими почувствовать воздух, ночь, жизнь, которая крутилась вокруг.

Джина смотрела на Дункана словно в первый раз, когда годы, прожитые вместе, стерлись, открыв то, что она на самом деле любила в нем: его мягкость, его ум, его тонкие черты и зеленые глаза, всегда немного рассеянный взгляд, точно он слушал про себя песню, которую только он и мог слышать.

Он развернулся, чтобы взять ее под руку, и она вышла в прохладный швейцарский вечер, под стрекот сверчков и плеск воды, а рядом с ней шел улыбающийся мужчина с мягким голосом, который любил ее с тех пор, как ей исполни-

лось девятнадцать.

* * *

Поездка в ресторан оказалась сложной. На темных и извилистых дорогах было трудно разглядеть указатели. Им с Дунканом пришлось дважды съезжать на обочину, чтобы свериться с картой, прежде чем они нашли простое каменное здание с рестораном в задней части. Помещение с открытыми деревянными балками, красными скатертями и свечами было оформлено в деревенском стиле, но довольно элегантно. Дункан отодвинул стул для Джины, и, благодаря его, она чуть не назвала его неправильным именем.

– Грэм... – начала она и умолкла, озадаченная.

Прежде чем Джина успела сказать что-то еще, Дункан поспешил заговорить сам:

– Тут должны подавать классические швейцарские блюда.

– Не думаю, что знаю хоть одно.

– Ну, в путеводителе сказано, что обязательно надо попробовать «холеру».

– Это же название болезни?!

– Именно. – И Дункан рассказал ей о прочитанном: – Во время эпидемии люди боялись выходить из своих домов и пекли пироги из всего, что попадет под руку.

– «Запеканка отчаяния», – рассмеялась Джина и заметила, что Дункану приятно видеть, что она весела, несмотря

на пережитый несчастный случай. Затем они принялись изучать меню, и Джина, увидев цены, забеспокоилась: – Дункан, это слишком дорого!

– Все нормально. Одна порция «холеры» нас не убьет.

– Я серьезно. То, как мы тратим... а у нас еще месяцы впереди...

– Все нормально, – настаивал он и потянулся к ее руке как раз в тот момент, когда подошел официант, чтобы налить им воды и описать фирменные блюда вечера. Джина пыталась слушать, отбросив свои опасения, хотя и не могла поверить, что Дункану, который порой сочинял музыку бесплатно, вдруг заплатили достаточно, чтобы он мог все это себе позволить. Размышляя об этом, она заметила еще одно странное обстоятельство – незнакомый мужчина наблюдал за ней с другого конца комнаты. Она отвела взгляд, сосредоточившись на своем заказе, но и после того, как официант ушел, человек продолжал смотреть на нее. Это был коренастый мужчина с редкими седыми волосами и розовым лицом.

Тем временем Дункан начал рассказывать об их маршруте:

– ...кроме того, позже летом он будет переполнен, что является еще одной причиной начать оттуда.

– Переполнен?

– Юг Франции.

– Прости, я прослушала, – призналась она и, наклонив-

шись вперед, добавила более мягко: – Тот мужчина беспрерывно смотрит на меня. Мы его знаем? В углу, с седыми волосами.

Дункан повернулся на стуле, чтобы проверить, и Джина увидела, как наблюдатель опустил глаза.

– Никогда его не видел. Но он кажется безобидным.

Через мгновение мужчина снова уставился на нее, и Джина начала ерзать на стуле. Она редко появлялась на публике после несчастного случая, некоторые последствия травмы заставляли ее чувствовать себя неловко. Ей вдруг захотелось посмотреть на себя в зеркало, поэтому она встала и сказала Дункану, что пойдет попудрить носик.

В зеркале над раковиной она увидела женщину лет двадцати пяти, ее выющиеся каштановые волосы были подстрижены короче, чем обычно. Такая прическа делала ее моложе. Ничто не указывало на полученную травму, кроме небольшого шрама на одной скуле. Джина улыбнулась, просто чтобы убедиться, что ее улыбка симметрична, не как в первые дни в больнице. Это небольшое изменение, каким бы временным оно ни оказалось, привело ее в ужас, так как напоминало о матери, улыбка которой после инсульта исказилась навсегда.

Когда Джина снова зашла в зал, Дункана за их столиком не было. Она заметила его в углу, разговаривающего с тем самым мужчиной, который ранее пристально смотрел на нее. Поймав ее взгляд, Дункан резко встал и вернулся за их сто-

лик.

– Ты выяснил, кто он такой? – спросила она.

– Немецкий турист. Сказал, что видел твоё выступление в Вене.

– *Правда?* – Подумав, она решила, что такое возможно. Она провела два лета в Вене, танцуя на международном фестивале, хотя её роли были не слишком большими. – Удивительно, что он запомнил конкретно меня из целой группы танцоров.

– Я бы тоже тебя запомнил, – улыбнулся Дункан.

Принесли еду. Джина заказала *пастетли*, мясной пирог, который ей, однако, уже не хотелось есть. Она внезапно разволновалась и снова заерзала на стуле. Её первое турне по Вене, каким бы волшебным оно ни было, все же предшествовало кончине её матери. За неделю до того, как Джина должна была вернуться домой, позвонил отец и сообщил, что случился ещё один, на этот раз смертельный инсульт.

Джина почувствовала внезапный укол. «Тоска по дому», – подумала она. Время от времени у неё возникал порыв позвонить отцу, хотя Дункан напоминал ей о риске, связанном с этим. Её отец наверняка впал бы в панику, узнав о несчастном случае. Потеряв жену, мистер Рейнхолд больше так и не женился. Джина стала для него всем. Он был бы в ужасе, узнав, что его единственный ребенок, находящийся так далеко от дома, получил черепно-мозговую травму. И если отсутствие вестей могло вызвать у него лишь небольшое бес-

покойство, то переживания, связанные с пробелами в сознании Джины и тем, что она совсем не тот человек, которым была при отъезде, привели бы его в ужас. И, безусловно, заставили бы вспомнить о потере жены и снова пережить боль.

– Ты в порядке? – спросил Дункан, отрываясь от своей тарелки.

– Да, в порядке. – Она не видела смысла портить все своими мрачными мыслями. – Так о чем ты говорил?

– О нашем путешествии, – Дункан заколебался, но после короткой паузы продолжил, – я подумал о Франции; полагаю, это должна быть Ривьера. Там есть несколько тихих мест, и их лучше посетить сейчас, нежели в июле или августе, когда регион переполнен. К тому же я говорю по-французски, так что нам будет легче ориентироваться. Что скажешь?

Джина не слишком задумывалась об их маршруте, хотя теперь, когда была упомянута Вена, она осознала, что хотела бы поехать туда снова и была бы непрочь повидать свою подругу Вайолет в Праге.

– Если мы направляемся на запад, может, есть смысл сначала посетить Вену и Прагу? Я бы хотела навестить Вайолет хотя бы на день или два.

Дункан слишком резко поднял бокал, и вино плеснуло ему на верхнюю губу.

– Ты не помнишь, что произошло между вами? Вашу ссору?

Нет, ни одно мимолетное воспоминание о какой-либо ссоре с лучшей подругой не приходило ей в голову, хотя не было ничего невероятного в том, что она могло произойти. У них с Вайолет были разные мнения о работе и о Дункане, которого та никогда не любила, но из-за их преданности друг другу они редко сталкивались лбами.

– Когда мы поругались?

– Когда она переехала в Прагу. По телефону. Я предполагаю, что она пренебрежительно отозвалась о статье, которую я написал. Ничего нового, но на этот раз она зашла слишком далеко, и ты прямо-таки кричала, сказала, что с тебя хватит и все кончено.

Вайолет, обвиняющая Дункана, – это звучало достаточно правдоподобно, хотя Джина не видела особого смысла продолжать сердиться, раз уж она забыла о причине раздора.

– В таком случае, вероятно, мне следует наконец позвонить ей. Воспользоваться шансом все исправить, раз уж я в порядке.

Дункан откусил кусочек запеканки и прожевал его, прежде чем ответить:

– Конечно, ты можешь позвонить, но, думаю, пока не стоит подвергать себя такому испытанию, это ведь будет напряженный разговор. Кроме того, по Праге не так-то просто передвигаться, так что, может быть, лучше начать с Вены?

Джина представила себе Вену, вспомнила ночи, которые провела там во время своего первого визита. Она и ее колле-

ги-танцоры выступали в *Volkstheater*³, величественном здании, вытянувшемся на углу Артур-Шницлер-плац, словно притаившееся животное. Два яруса колонн, расположенных на передней части фасада, не давали и намека на внутреннюю роскошь: красные бархатные сиденья и занавески, хрустальные люстры, фреска на потолке. Возможно, сама красота этого места заставила Джину выкладываться на выступлениях в Вене больше, чем когда-либо прежде. Ее тело казалось сильнее и раскрепощеннее. У нее возникла мысль, что это был апофеоз, момент, когда ее талант танцовщицы достиг своего пика, и она станет оглядываться на те ночи годы спустя, вспоминая тот блаженный миг.

– Да, ты прав. Поездка в Вену пошла бы мне на пользу.

– Отлично, значит, решено!

Они чокнулись бокалами, и Джина сделала глоток вина. Вскоре она начала расслабляться – наслаждалась едой, уютной залой, – пока мужчина, который до этого пристально смотрел на нее, не поднялся из-за своего стола. Она видела, как он отложил салфетку, прошел мимо соседнего столика и направился в ее сторону. На мгновение ей показалось, что незнакомец готов заговорить с ней, но когда она подняла глаза, он отвернулся и исчез в темноте за дверью.

³ Фолькстеатр (нем. Volkstheater, букв. «народный театр») основан в 1889 году по просьбе жителей Вены.

На следующее утро, прежде чем Джина очнулась ото сна, ее посетило видение. Она находилась в галерее, в просторном белом помещении, с картинами на стенах. Она пересекла комнату и остановилась перед их с Дунканом портретом. Это была картина, которую ее отец написал для них в подарок к свадьбе. Джина стояла лицом к картине в атмосфере печали, а затем к ней подошел высокий мужчина с песочными волосами. Он наклонился и прошептал ей что-то на ухо, и это заставило ее вздрогнуть. Она резко села на кровати. Лежащий рядом Дункан уже не спал и внимательно смотрел на нее.

– Плохой сон? – спросил он, поглаживая ее по спине.

– Нет, просто подумала... Ничего.

Она снова легла рядом с ним и почувствовала, как под покрывалом его рука погладила ее бедро. Он особенно жаждал секса после аварии, и она тоже, возможно, из-за ощущения физической связи с ним. Его прикосновение напомнило ей, что она молодая, здоровая, живая. И Джина изогнулась под ним, когда он начал целовать ее – лицо, шею, задирая ее топ, чтобы обнажить живот.

Она смотрела на его гладкие плечи, на застывшее выражение, которое появлялось в моменты, когда Дункан был возбужден. Он двигался как в тумане – и вместе с тем осознан-

но. Стилль секса, который он перенял от Джины много лет назад, теперь стал их общим состоянием – их движения в унисон, их страстные переплетения. Приподнявшись над ней, он потянулся к ящичку прикроватной тумбочки. Она снова прижала его к себе.

Дункан колебался, собираясь что-то сказать, пока она рывком не потянула его за бедра. Джина смотрела ему в глаза, чтобы он мог прочесть ее желание, затем прижалась сильнее, так, что его лицо оказалось у ее уха и она могла слышать звуки, которые он издавал, глубокие и взрослые в одно мгновение, а в следующее – совсем как у нетерпеливого неопытного мальчика, каким он был, когда она впервые оказалась с ним в постели.

– Я люблю тебя, – сказал он ей немного позже, обнимая ее со спины и прижимая к себе так, что она могла почувствовать, как быстро бьется его сердце.

– Я тоже тебя люблю.

Они лежали в мягком утреннем свете, пока Дункан наконец не решил принять душ.

– Хочешь присоединиться ко мне?

Джина хотела; стоя перед ней обнаженным, с покрасневшимся лицом, он выглядел милым мальчишкой. Но потом она вспомнила свое утреннее видение и почувствовала непреодолимое желание все записать. Был ли это сон? Или пепел воспоминаний? Она хотела собрать впечатления, которые приходили к ней – обычно тогда, когда она их не жда-

ла, когда она вообще ничего не пыталась вспомнить.

— Ты иди, а я в последний раз поплаваю в озере, прежде чем мы уедем.

Он разочарованно кивнул, но она встала и снова поцеловала его, прежде чем он повернулся к ванной. Джина направилась к столу. Пока в душе шумела вода, она записывала те части видения, которые могла вспомнить: *«Большая галерея, папина выставка — Санта-Фе? Незнакомец со светлыми волосами»*. Джина подумала, что могла бы спросить своего отца, проводилось ли подобное мероприятие, но именно эти вопросы заставили бы его волноваться. Как же это было неприятно — не иметь возможности просто взять трубку и получить ответы!

Теперь комната казалась меньше и теснее. Подойдя к чемодану, она порылась в нем в поисках купальника и наткнулась на блокнот с канцелярскими принадлежностями и почтовые конверты.

Если она не может позвонить отцу, почему хотя бы не отправить ему письмо? В нем она сможет написать именно то, что хочет сказать. Вернувшись к столу и взяв чистую страницу, она начала:

Дорогой папа, пишу тебе из деревеньки недалеко от Цюриха, где мы с Дунканом отдыхаем после Берлина. Берлин одновременно захватил и утомил нас. Уверена, он бы тебя вдохновил. Здесь всюду прошлое разбивается вдребезги и

*перерождается в нечто новое. Представь себе целый город, который стремится стереть собственную историю и пере-
кроить себя в соответствии с новыми веяниями. Это как
художественная студия шириной в двадцать миль.*

Она попробовала придумать детали поездки: поход в один из ночных клубов, возникших на старых промышленных площадках, знакомство с жителями Восточного Берлина за кружкой пива, их истории о детстве, наполненном несбыточными мечтами, равнодушием и вечными двойными стандартами. Однако тут же поймала себя на мысли, что чувствует себя виноватой за то, что слишком сильно наслаждается этими выдумками. Не желая бросать начатое письмо, она принялась обдумывать, что еще ей следует написать. Джине следует сообщить отцу, как с ней связаться, но письмо придет в Санта-Фе через две недели, а его ответу потребуется столько же времени, чтобы пересечь океан в обратную сторону. Она понятия не имела, где они с Дунканом могут очутиться к тому времени.

Следующей будет Вена – мы с Дунканом уезжаем сегодня. Дальше пока не планировали. Я позвоню, когда наш маршрут станет более четким, но пока я надеюсь, тебе не очень жарко летом в Санта-Фе. Носи шляпу! Может быть, я подберу тебе новую в Париже или Риме, что-нибудь стильное. Скупаю по тебе, папочка, и люблю тебя.

Твоя дочь,

Джина

Когда Дункан вышел из ванной, завернутый в полотенце, она подписывала письмо, затем сложила листок и сунула его в конверт. Дункан заметил, что марки есть на стойке регистрации.

– Давай я отнесу его позже, вместе с багажом, – предложил он, наклоняясь и откидывая влажные волосы, прилипшие к лицу, чтобы поцеловать ее.

Выписываться надо было только в час дня, поэтому Джина отправилась на озеро, пока Дункан заканчивал собирать вещи и оплачивал счета. Оставив сменную одежду и надев купальный костюм, она босиком направилась к берегу, заросшему травой почти до самой кромки воды. Джина прыгнула в озеро, чтобы не ступать на галечное дно, и в этот момент у нее возникло еще одно воспоминание – посещение озера Абикиу в детстве. Это было в те годы, когда она еще не умела плавать, до того, как стала высокой и сильной, когда она цеплялась за теплое тело своей матери, не имея мужества отпустить ее, считая, что в одиночку она будет просто тонуть, тонуть и тонуть.

Теперь Джина двигалась изо всех сил, как будто плыла против собственного страха, замешательства и ужаса, вызванного незнанием части своего прошлого. Она провела в воде столько времени, что ее губы начали дрожать от холода, и она забеспокоилась, что опоздает. Выйдя на берег, Джина

помчалась в комнату, чтобы собраться.

Одевшись, она вышла в холл и заметила Дункана, стоящего к ней спиной. Он говорил по телефону, находившемуся на стойке:

– Да, все хорошо, спасибо. Надеюсь, ты знаешь, что я никогда не хотел причинить тебе боль.

Джина остолбенела, услышав эти слова, поскольку предполагала, что муж разбирается с чем-то бытовым: с бронированием или неправильным счетом.

Домовладелица, мисс Арнер, поприветствовала Джину с противоположного конца стойки, и Дункан, заметив это, тоже повернулся, глядя на свою жену с непринужденным выражением лица, никак не подходящим к тону, которым он только что говорил. Прикрыв трубку рукой, он одними губами произнес:

– Моя мать.

– Ах, вот оно что...

Джина отошла, чтобы не мешать. К сожалению, они с матерью Дункана общались мало, и она смирилась с тем, что это вряд ли изменится. Миссис Лоуис была еврейкой, родилась в Эльзас-Лотарингии во время Второй мировой войны и с того момента, как она слышала, что фамилия Джины – Рейнхольд, относилась к ней с недоверием. Джина могла только представить, что эта женщина сказала бы, узнав об их посещении Берлина, а затем Вены.

– Поговорим об этом в другой раз, хорошо? Мне жаль.

Обещаю еще позвонить.

Дункан повесил трубку, покачав головой.

– Все в порядке? – спросила Джина.

Он ответил не сразу. Этот звонок, казалось, выбил его из колеи.

– Просто нужно было дать ей знать, что у нас все в порядке.

– И извиниться?

– За то, что оставили ее, отправились в путешествие, вели нашу собственную независимую счастливую жизнь. – Он улыбнулся, но Джина все еще была обеспокоена.

– Ты не сказал ей, что мы направляемся в Австрию?

– Нет, боже, нет! Она продолжает думать, что мы в Лондоне. Очевидно, она посылала нам туда письма. Мне пришлось притвориться, что мы их получили.

Как это ни прискорбно, Джина понимала, что подобной лжи избежать невозможно. Они с Дунканом были вынуждены лгать об этой поездке разными способами, чтобы защитить чувства своих родителей. Она подумала о письме своему отцу, которое заметила поверх небольшой стопки писем на столе, за другим концом которого мисс Арнер переписывала что-то в грессбук.

– Спасибо за все! – крикнула ей Джина. – Здесь было чудесно.

– О, мне очень приятно, – сказала мисс Арнер. – Я бы хотела, чтобы все мои гости были столь очаровательны и чтобы

все пары были так же счастливы, как вы.

Джина улыбнулась женщине, а затем Дункану, который все еще рассеянно пялился на телефон. Когда он заметил, что она смотрит на него, он словно встряхнулся и обнял ее за талию.

– Итак, есть поезд из Цюриха в Вену в час, – объявил он. – Я вызвал машину, чтобы поехать на станцию.

Несмотря на свое утреннее беспокойство, Джина не могла не радоваться тому, что они отправляются в Вену. Скоро она снова увидит этот прекрасный город: красивые яркие здания, облицованные оранжевой плиткой, покрытые патиной⁴ купола, ряды деревьев, фонтаны и статуи, экстравагантно освещенные памятники. Она не успела посетить достаточно достопримечательностей во время сумасшедшего фестиваля. Каждую ночь Джина танцевала в сверкающем театре, а затем болталась, пьяная от движения и усталости, по оживленным улицам. Она мысленно составила список всего, что собиралась увидеть после окончания спектаклей, но вмешались обстоятельства, поступил ужасный звонок от ее отца, и поэтому все это осталось нереализованным желанием: Тиргартен⁵, Пратер⁶, отель «Захер»⁷ – все это было про-

⁴ *Патина* – это зеленоватая плёнка или налёт, который образуется на поверхности меди и её сплавов.

⁵ *Тиргартен* – центральный район Берлина.

⁶ *Пратер* – общественный парк и зона отдыха в Вене.

⁷ «*Захер*» – знаменитый отель, расположенный в Вене.

низано глубокой тоской, которая заставляла ее опасаться посещать эти места без Дункана.

Она прижалась к нему, вспомнив, как он обнимал ее тогда, во время поездки домой из аэропорта: он приехал на похороны ее матери раньше и встречал Джину, когда та, оцепеневшая от горя, вышла из самолета в Нью-Мехико. Ее Дункан. Ее пристанище, в каком бы уголке мира они ни находились.

Глава вторая

Дункан

Вена, июнь 1996 года

Вена сияла: великолепная и элегантная. Именно такой Джина описывала ее после своей первой поездки. То время, когда-то казавшееся далеким прошлым, в последние недели стало удивительно близким. Осознание, что Джина серьезно пострадала от травмы и все события могли быть стерты навсегда, шокировало, однако внезапно она стала похожа на женщину, которой была год назад. Он все пытался представить себя на месте Джины – просыпающимся в чужой стране, не имея ни малейшего понятия, как он туда попал, и рядом лишь одно знакомое лицо, на которое можно рассчитывать.

Теперь же Джина наслаждалась возможностью поиграть в гида.

Сидя в такси рядом со своим мужем, восторженно глядя в окно, она указывала на здания, которые без труда узнавала.

– Это Музей истории искусств, – без умолку комментировала она, – а вот и дворец Хофбург! А вон там Государственная опера! – Джина указала на замысловатое здание вдалеке, подсвеченное ярким золотом, напоминающее огромную филигранную драгоценность.

Дункан заставил себя улыбнуться, чтобы не выдать трево-

ги: если она вспомнила Вену, что еще она может вспомнить?

Они приближались к реке Дунай; сияющий город отражался в воде, и Дункан сделал над собой усилие, чтобы попытаться расслабиться. В машине играло радио, и он сосредоточился на музыке. Конечно, знакомясь с городом, где жили Штраус, Шуберт и множество других величайших композиторов мира – Бетховен, Гайдн, Моцарт, он предпочел бы слушать классику, но таксисту явно нравилась американская поп-музыка. Заиграла *Don't Speak*, и Дункан принялся подпевать, ожидая, подхватит ли Джина. Этот хит звучал в Штатах всю весну, и все же жена его не узнавала. Дункан наблюдал за ней, надеясь увидеть, как с ее губ неосознанно слетят слова песни. Ее молчание успокоило его. Он выдохнул и с облегчением отвернулся к окну. Нет, она ничего не вспомнила. Никаких сомнений.

Машина пересекла мост и направилась вверх по Пратерштрассе в сторону их отеля. Дункан с Джиной решили поселиться недалеко от железнодорожного вокзала, в районе, где находился Пратер, знаменитый венский парк развлечений. Номер в этой части города стоил в три раза дешевле, чем в центре, и оба согласились, что деньги, сэкономленные на отеле, можно потратить на что-нибудь еще. Дункан задумался, сожалеет ли Джина о том, что пришлось отказаться от очарования ее любимых районов. Главная площадь Пратерштерн была на удивление простой, всего несколько деревьев и неуклюжие колонны. Улицы – темны и пустынные, а

позади неторопливо двигалась канатная дорога. Дункан надеялся, что Джина не будет разочарована.

Их отель на Вальхерштрассе оказался еще более унылым, чем предполагал Дункан. Старомодный вестибюль с зеленым ковром, который казался покрытым плесенью, и люстрой, в которой отсутствовало несколько деталей. Мужчина за стойкой был одет в костюм, галстук-бабочку, имел редящие волосы, зачесанные набок, и настолько красные губы, что казалось, будто они накрашены.

– *Willkommen*⁸. Леви, верно?

– Верно.

Они с Джиной поставили свои сумки на пол, и Дункан подошел к стойке регистрации.

– Комната готова. Мне только нужны ваши документы.

Мужчина взял паспорта Джины и Дункана и отвлекся на некоторое время, переписывая данные в свой грессбук, затем принялся изучать фото.

– Мы можем забрать наши документы? – Дункан протянул руку.

– Конечно, мистер Леви, – улыбнулся мужчина. – Ваша фамилия – она еврейская, не так ли?

Дункан одновременно встревожился и испытал облегчение – только лишь? Так любопытство этого человека вызвано еврейской фамилией? Дункан заколебался, не зная, как к этому отнестись, но клерк поспешил его успокоить:

⁸ Добро пожаловать (нем.)

– Я очень люблю евреев!

Джина сжала руку Дункана, и они направились к лифту, в то время как портье занялся их багажом. Как только дверь лифта закрылась, Джина приподнялась на цыпочки, ее глаза расширились от наигранного удивления.

– Представляешь, он очень любит евреев!

– Точно, мы – его любимое блюдо после шницеля.

Она перестала смеяться и серьезно посмотрела на мужа.

– Тебе здесь некомфортно?

– Вовсе нет. – И тем не менее он все время был на взводе.

Его беспокойство было двояким и лишь усугублялось чувством вины за то, что его мать будет страдать, узнав, где он находится. Самая дальняя поездка, на которую его мать когда-либо соглашалась, – во Флориду, навестить двоюродного брата в Майами-Бич. Она ни разу не возвращалась на родину в Эльзас – провинцию Франции, граничащую с Германией, вечный предмет споров. На время немецкой оккупации его мама осталась на попечении католической семьи, в то время как ее родители спасались бегством через Альпы. Его родственники, пережившие войну, отправились в США. Миссис Леви всегда плохо отзывалась о Европе. Подрастая, Дункан питался исключительно американской кухней, и когда единственными языками, которые предлагались к изучению в его школе, оказывались немецкий и французский, его мать неделями отчитывала директора. От европейской музыки она отказаться не смогла, но сделала все возможное, чтобы забыть

континент, который навсегда остался для нее опасным и коварным, независимо от того, сколько времени прошло после событий, сформировавших ее восприятие. Став старше, Дункан пытался избегать «европейских» тем, дабы лишний раз не столкнуться с ее негативом, но, находясь здесь, в родной стране Гитлера, он не мог не чувствовать, что стыд, который он с детства носил в себе, усиливается.

Естественно, он никогда не сможет рассказать маме подробности этой поездки.

По ее мнению, он находился в Лондоне – эта часть того, что он сказал Джине, была правдой, хотя он не передал остаток истории, которую поведал матери: якобы он искал возможность для развития своей карьеры через бывшего соседа по комнате в колледже – Блейка. Такие выдумки были не в новинку. Дункан все свое детство рассказывал родителям то, что они хотели услышать. Его отец, мягкий и сговорчивый, мог смириться с правдой, но на него давила необходимость скрывать ее от жены, для которой правда оказывалась невыносимой. Так что с раннего возраста Дункан научился утаивать все, что могло огорчить тех, кого он любил. Он считал, что лжец, который просто замалчивает и недоговаривает, чтобы угодить другим, – по крайней мере добрый лжец.

– Я очень рад, что мы здесь, – сказал он, когда они с Джиной шли по темному коридору отеля. – Раз уж я связал свою жизнь с музыкой, то не имею права пропустить Вену. К тому же тебе здесь нравится, а я хочу быть частью всего, что ты

любишь.

Он остановился, чтобы поцеловать ее, как раз в тот момент, когда позади них появился портье с их багажом.

– Ой, прошу прощения, – извинился он, опуская глаза.

– Она тоже любит евреев, – проговорил Дункан, и Джине пришлось сдерживать смех, пока клерк открывал дверь. Затем тот вручил им ключи и ушел.

* * *

В их комнате было тускло и пахло плесенью: темные абажуры приглушали скудный свет, а стены были оклеены неравномерно выцветшими текстурными обоями. Несмотря на усталость и позднее время суток, Джине и Дункану не хотелось оставаться в номере. Они поспешили через вестибюль к выходу, чтобы немного осмотреть город. Рядом с вокзалом расположилось несколько кафе, но они выглядели убого, поэтому супруги пошли в другую сторону и остановились в ресторане на углу, где заказали гуляш, штрудель и графин вина. Джина была навеселе больше, чем Дункан, когда они вернулись в номер, и к тому времени, как он почистил зубы, она уже спала, свернувшись калачиком в постели.

Воспользовавшись этой возможностью уединиться, он спустился в вестибюль и попросил портье указать ему дорогу до ближайшего телефона-автомата.

– Вы можете воспользоваться нашим телефоном, сэр.

– Мне не помешало бы немного свежего воздуха, – объяснил Дункан.

Клерк бросил неодобрительный взгляд в его сторону.

– На вокзале есть телефоны. Но предупреждаю вас: в такое время вы можете наткнуться на кого угодно.

– Кто угодно так кто угодно, – сказал Дункан и, помахав рукой, вышел на улицу.

Железнодорожный вокзал был хорошо освещен, но в этот час по большей части пуст. Несколько бездомных лежали на одеялах в одном углу, а с другой стороны, куда подъезжали автобусы, громко переговаривались трое пьяных бритоголовых молодых людей. Сцена едва ли отличалась от тех, с которыми Дункан сталкивался в своем квартале в Ист-Виллидж. В первый год совместной жизни с Джиной его чуть не застрелили у входа в подъезд, однако нападавшего напугала крыса, неожиданно пробежавшая по его ноге. Воспоминание об этой, теперь уже далекой жизни заставило Дункана поежиться.

Наконец он нашел работающий таксофон и порылся в бумажнике в поисках номера Answering Service⁹, который обнаружил в Цюрихе (до того, как мобильные телефоны стали обычным явлением, это было одной из немногих возможностей оставаться на связи). Дункан решил, что данная услуга намного безопаснее, чем сообщения на компьютере, которые

⁹ Служба секретарей-телефонисток, отвечающих на входящие звонки клиентам во время их отсутствия.

кто-то другой может случайно прочесть. Он набрал номер, и вскоре женский голос сообщил ему, что у него шесть новых сообщений.

– Вы хотите их прослушать?

Дункан не был уверен, что хочет. Он не слишком надеялся на хорошие новости. Тем не менее он полагал, что ему лучше узнать все что можно о том бардаке, что копился в его отсутствие.

– Да, пожалуйста, буду признателен.

– Хорошо. Мисс Смит из «Картер Пропертиз» напомнила, что вы задолжали по арендной плате. И еще был звонок из вашего банка.

– Я запустил счета, так как путешествовал, – начал он и остановился. Это незнакомый человек, он не обязан ничего объяснять. – Спасибо, что еще?

– Эстер Леви тоже оставила сообщение и желает знать, почему она не может связаться с вами в Лондоне. Она утверждает, что дозвонилась до вашего друга Блейка, но он сказал, что вы уехали. А потом пришло сообщение от Блейка Флурной, в котором спрашивалось, почему ваша мать думает, будто вы с ним в Лондоне.

В последовавшей тишине Дункан задался вопросом, ждет ли женщина на другом конце провода его ответа, заинтересовала ли ее эта история, стало ли ей любопытно, как кусочки соединятся вместе?

– Еще какие-нибудь звонки?

– Да, сэр. Сообщение от Фрэнка Рейнхольда, в котором говорится, что ему нужно поговорить со своей дочерью, и если вы с ней, пожалуйста, позвоните ему.

Отец Джины. Это сообщение обеспокоило Дункана больше всего. Любой родитель, чей ребенок находился вне зоны доступа, был бы на взводе, а отец Джины периодически беспокоился сверх необходимого. По этой причине он никогда не одобрял ее отношения с Дунканом и со временем испытывал к нему все большее недоверие. Ему, должно быть, не терпится перекинуться парой слов с Джиной, которой он обычно звонил несколько раз в неделю. Дункан должен найти какой-то способ объяснить ее молчание и заверить его, что с ней все в порядке.

– Сэр? – Женщина на линии прервала его мысли. – У вас есть еще одно сообщение.

– А-а... да, давайте.

– От Грэма Бонафэра. Он просил передать вам, что...

– Достаточно. – Дункан прервал оператора. Он внезапно почувствовал, что больше не в силах этого вынести.

– Вы не хотите, чтобы я прочитала сообщение? – Голос женщины стал серьезнее; она казалась обеспокоенной. – Мне кажется, вам стоит это услышать.

– Нет, не стоит. Я все понял, – пробормотал он, чувствуя, что совершил ошибку, посвятив незнакомого человека в свои дела. – Думаю, мне больше не потребуются ваши услуги.

– Какие-то проблемы, сэр?

– Никаких проблем, нет. Вы можете перенаправлять мои звонки обратно на мою линию. С этого момента я буду просто звонить на свой автоответчик. – Он вздохнул, затем, вспомнив о правилах приличия, добавил: – И спасибо вам. Я благодарен за помощь. Действительно благодарен.

Дункан повесил трубку и постоял мгновение, обдумывая, что ему делать дальше. Вдалеке смеялись пьяные мужчины. Дул прохладный ветер, а Дункан, выходя из отеля, не надел куртку. Все, чего он хотел, – это вернуться наверх, к Джинне, оставить свои тревоги позади, но он знал, что должен разобраться хотя бы с некоторыми из этих сообщений, пока у него есть такая возможность. Поскольку в Лондоне было уже одиннадцать вечера, в то время как в Нью-Йорке только шесть, он решил сделать свой первый звонок Блейку.

Блейк Флурной был соседом Дункана по комнате в колледже с начала первого курса. Их случайно поселили вместе – конечно, Блейк не являлся тем типом, с которым Дункан предпочел бы жить бок о бок. У него был самодовольный вид, подчеркнутый рубашками поло и вечным загаром, и темно-русые волосы, небрежно торчащие надо лбом и зачесанные набок, в стиле, которого в то время менее элегантные мальчишки пытались добиться с помощью мусса. Он производил впечатление флегматика, катался на скейте по кабинам и устраивал в их комнате беспорядок. В его голосе присутствовала нарочитая мягкость, как будто ничто не сто-

ило того, чтобы напрягать голосовые связки.

– Да?

Даже в одном коротком слове тон Блейка был безошибочно узнаваем. Его голос многие находили грубым, но услышавший его Дункан знал, что может говорить, не подбирая слова и не пытаясь быть вежливым. Он привык к такой форме общения, поскольку они с Блейком во время учебы в колледже стали друзьями и оставались ими, несмотря на то что Блейк переехал в Лондон.

– Привет, это я.

– Дункан, блин. Я пытался дозвониться до тебя. Где ты, черт подери, находишься?

– И тебе «черт подери».

– Вчера звонила твоя мама, ты в курсе? Хотя, видимо, в курсе, раз звонишь.

– Да, уже знаю... спасибо, что разобрался с ней.

Дункан не сомневался, что Блейк вежливо поговорил с его матерью. Во время учебы в колледже, по утрам, когда Дункан отсыпался, Блейк всегда был рядом, чтобы придумать историю для звонившей миссис Леви. Именно ложь Блейка укрепила доверие между двумя друзьями. До встречи с Блейком Дункан втайне, с чувством вины нес бремя своей лжи, но более гибкая совесть Блейка облегчила его страдания.

– И, думаю, ты также знаешь, – продолжил Блейк, – что она считает, будто ты здесь, со мной, ищешь работу?

Эту историю Дункан придумал в последнюю минуту. Поскольку он уже вынужденно лгал матери, то решил, что с таким же успехом может сказать ей что-то, что она хотела бы услышать: например, что он наконец решился на регулярную, хорошо оплачиваемую корпоративную работу.

– Прости, я должен был предупредить, что использую тебя как оправдание. Честно говоря, я и представить не мог, что ей придет в голову искать меня. Понятия не имею, почему она это делает.

– А я имею, – объявил Блейк и замолчал, ожидая, что Дункан спросит. В таких мелочах Блейк частенько пытался показать свое превосходство – особенность, на которую Дункан не обращал внимания, пока Джина с явным отвращением не указала на нее.

– Ты собираешься мне сказать или как?

– Какой-то парень позвонил ей и спросил о тебе. Соответственно, она занервничала.

При этих словах пульс Дункана подскочил. Он должен успокоить себя: конечно же существует несколько возможных объяснений. Ему не стоит думать о худшем.

– У парня есть имя?

– Она не называла. Но, похоже, ее беспокоит, что ты во что-то вляпался.

– Черт. Ладно.

Дункан думал о своей матери, о тревоге, которая мучила ее. Он почти мог слышать ее голос, голос из его детства, ко-

торый встречал его у двери, если он хотя бы на десять минут опаздывал домой из школы: *«Кто-то мог тебе навредить! Тебя могла сбить машина! Ты знаешь, через какие муки ты заставил меня пройти?»*

Как бы она отреагировала теперь? Он находился за океаном, в недостижимости, а она получала тревожные телефонные звонки от незнакомцев, которые расспрашивали о нем. Дункан съежился.

– Чувак! – снова заговорил Блейк. – У тебя какие-то неприятности? Что-то с деньгами? Тебе одолжить?

– Это... не волнуйся. Мне просто нужно позвонить матери, успокоить ее.

– А где ты вообще? Как с тобой связаться?

– Я... э-э... переезжаю из отеля в отель.

– Какие отели? Где?

– На самом деле я сам пока не могу точно сказать.

– Блин, просто скажи мне, где ты, чувак! Город? Страна? Континент?

Он почувствовал внезапное желание сдаться, признать-ся во всем своему старому товарищу, но вмешался здравый смысл. Если что-то и омрачало их дружбу, так это отношение Блейка к Джине. Для циничного, прагматичного Блейка Джина являлась безумным, даже опасным романтиком. Мать Дункана разделяла эту позицию – именно Джина сбила ее сына с истинного пути, по ее вине он отказался от финансового успеха ради артистической карьеры, которая не сло-

жила, и теперь в какие бы неприятности ни попал Дункан, Блейк будет считать, что это вина его жены. Поэтому Дункан решил ни в чем не признаваться.

– Мне пора, Блейк. До скорого.

Прежде чем повесить трубку, он услышал, как раздраженный Блейк что-то кричит. Дункан на мгновение замер, склонив голову, готовясь к истерике матери, однако, собравшись с мыслями, набрал ее номер.

– Мам, – проговорил он небрежно.

– Дункан, слава богу! Ты жив!

– Конечно я жив.

У него было все то же чувство, которое он постоянно испытывал, когда набирал ей, – сожаление, что не позвонил раньше, и одновременно – что вообще позвонил. На заднем плане он слышал телевизор, шестичасовые местные новости, которые его родители смотрели каждый вечер и в которых, казалось, всегда перечислялись исключительно опасности, подстерегающие снаружи.

– Где ты? – требовательно спросила она. – Блейк сказал, что ты уехал из Лондона в Уэльс.

– Да, верно, небольшое путешествие. Побаловать себя.

– Это значит, что собеседование прошло хорошо?

– Трудно сказать; на самом деле нужно просто подождать.

Сквозь ее тревогу Дункан распознал нотку надежды. Он не был уверен, чувствовал ли себя лучше или хуже из-за этого, но предположил, что это хороший знак: что бы она ни

услышала о нем, это не слишком огорчило ее.

– Слушай, Блейк упомянул, что тебе кто-то звонил и спрашивал обо мне.

– Верно. Твой друг. Он сказал, что ему нужно связаться с тобой. Сказал, что это важно.

– Он назвал свое имя?

– Грэм Бонафер.

Дункана охватило неприятное чувство, хотя он вряд ли мог назвать себя удивленным. Следовало ожидать, что Грэм обратится к любому, у кого есть связь с Дунканом. По крайней мере, как выяснилось, Грэм мало что рассказал его матери, тем самым проявив сдержанность. Пока. Но, возможно, за этим звонком стояла молчаливая угроза, способ дать понять, что Грэм всегда может связаться с его близкими и рассказать им все что заблагорассудится. И что делать Дункану, чтобы защитить свою мать? Ничего. Все, что было в его силах, – это подбодрить ее в данный момент, дать любые пустые обещания, в которых она нуждалась: да, он позвонит снова через несколько дней; да, он скоро улетит домой; да, он возлагает большие надежды на эту работу, чувствует, что удача вот-вот повернется к нему лицом.

– Я скоро позвоню тебе снова, мам. Не хочу, чтобы ты беспокоилась обо мне. Люблю тебя. Я в порядке, не сомневайся.

Глава третья

Джина

Вена, июнь 1996 года

Первое утро в Вене выдалось прекрасным – голубое небо, теплое солнце. Джина предложила Дункану отправиться на Штефансплац, чтобы насладиться долгой прогулкой по центру города. Первым пунктом был собор Святого Стефана – готическое здание с крышей из узорной разноцветной черепицы, которая показалась Джине похожей на змеиную кожу, когда она увидела эту церковь впервые во время прошлого посещения Вены. В тот момент девушка предположила, что это рефлексия, вызванная угрызениями совести и ощущением неловкости, охватившая ее в этой поездке из-за окружения, в котором она находилась.

Ей пришлось оставить Дункана в Нью-Йорке на целых две недели; она чувствовала себя ужасно и постоянно думала о нем, сидящем в духоте в их квартире с едва работающим кондиционером, который мог разродиться только теплым воздухом. В то время как сама она наслаждалась пребыванием в прекрасном городе, получая ни с чем не сравнимое удовольствие. Танцовщиц разместили по две в комнате в очень хорошем отеле в Музейном квартале, где должен был проходить фестиваль. В течение недели Джину развлекали

гости фестиваля; какой-то венский политик провел ей экскурсию по Ратуше, она посетила дворец Шенбрунн и была приглашена в Хофбург на представление, что давала испанская школа верховой езды. В тот день один из членов правления фестиваля – француз с темными волосами до плеч, от которого пахло сигаретами и одеколоном, – проявил к Джине особый интерес и пригласил ее в Государственную оперу на постановку «Аида». Затем тот же мужчина предложил погулять, и они были именно здесь, на Штефансплац. Джина решила не делиться этими воспоминаниями с Дунканом и повела его дальше ко дворцу Хойбург, а затем по прекрасному, обширному парку они вышли к Опере.

Сейчас Джина находила Государственную оперу менее впечатляющей, чем при лунном свете и в сопровождении француза, но теперь, стоя в лучах солнца рядом с Дунканом, она могла оценить все архитектурные детали: скульптуры под арками второго яруса, бронзовых всадников с обоих концов крыши. На углу, где выступали уличные музыканты – парень со скрипкой и певица, собралась толпа туристов. Они исполняли «Четыре последние песни». Дункан был знаком с этим скорбным и навязчивым произведением Штрауса. Они стояли и слушали, муж обнимал Джину за плечи, и ей было очень спокойно.

От оперного театра пара направилась в «Захер», самый известный отель Вены, коричневое пятиэтажное здание, занимающее целый квартал. Джина хотела заглянуть внутрь,

хотя и предполагала, что любопытным туристам это было запрещено. Она предложила Дункану план: чтобы их не выставили, надо вести себя так, будто у них назначена встреча с постояльцем.

– Тереза попросила подождать ее в вестибюле, не так ли? – громко объявила она, когда они проходили мимо швейцара. – Или в ресторане? Может, нам стоит заглянуть туда?

Джина направилась к ресторану, однако ее перехватил портье.

– Могу я вам чем-нибудь помочь?

– У нас тут назначена встреча с друзьями, – ответила она ему.

– С какими именно друзьями, мадам?

– С женщиной по имени Тереза, – не растерялась Джина и повернулась к Дункану. – Забавно, я не помню, чтобы она назвала свою фамилию. Но она скоро спустится. – Она улыбнулась мужчине: – Нас ждут.

– Может быть, вам стоит подождать у дверей?

– Конечно, – согласилась она и тут же, не давая мужчине возразить, прощбетала: – Только я забегу в уборную, если можно?

Джина быстро пошла прочь, надеясь, что не оставила Дункана в затруднительном положении и что он тоже воспользуется каким-нибудь предлогом, чтобы мимоходом осмотреть отель. Миновав уборные, она заглянула в обеденный зал – стены, занавески и ковры насыщенного цвета зеленеющего

леса. Интерьер второго ресторана был полностью выдержан в красных тонах, а следом еще одно помещение – бар с темно-синими стенами и бархатными стульями. Когда Джина вернулась в холл, Дункана нигде не было видно. Возможно, он смутился и вышел на улицу, предположила она и уже направилась к выходу, как тот же портье снова возник рядом с ней.

– Ваш супруг нашел ваших друзей.

– Неужели? – Джина улыбнулась, хотя и не представляла, что это могло значить.

Мужчина жестом указал вперед, она посмотрела в ту сторону и обнаружила мужа, стоящего в вестибюле у огромной картины, на которой был изображен корабль в море. Дункан общался с очень изысканной пожилой парой. Они настолько весело болтали, что Джина даже предположила, что они знали друг друга. Но пара все же казалась ей незнакомой.

Мужчина с одутловатым лицом и теплой улыбкой был одет со вкусом: белый блейзер и белые брюки, на шее – бледно-оранжевый шарф. Женщина рядом с ним была высокой и худой, со светлыми волосами, высоким лбом и слегка выпученными глазами. На ней было длинное платье и сапоги на каблуках, которые делали ее выше спутника. Она изучала Джину не слишком дружелюбным взглядом.

– А вот и она! – воскликнул Дункан. – Это моя жена – Джина.

Пожилой мужчина взял ее руку и представился, затем

представил свою спутницу:

– Риккардо Бьянки и моя невеста Астрид Дю Белле.

– Риккардо – директор театра «Ла Скала» в Милане, – объяснил Дункан. – А Астрид – один из программных директоров Зальцбургского фестиваля. Они здесь ради этого фестиваля.

Джина пожимала им руки, чувствуя некоторое смущение оттого, что Дункан знаком с такими знаменитостями.

– Вы тоже приехали в Вену на фестиваль? – Астрид обратилась к ней с едва заметной улыбкой. – Вы танцовщица, не так ли?

Джина удивилась, что женщине известен этот факт.

– Да, верно. Но сейчас я не танцую.

– Мы в отпуске, – вставил Дункан. – Своего рода запоздалый медовый месяц.

– Прелестно, – сухо произнесла женщина.

– Откуда вы знаете друг друга? – спросила Джина, не в силах сдержать свое любопытство.

– Дункан дружил с моей дочерью, – ответила Астрид.

– На самом деле, – вставил Дункан, – Джина и Марина тоже были близки.

Неужели? Джина не смогла вспомнить это имя, однако, дабы не обидеть мать девушки, притворилась, что так и есть.

– Это было давно, – продолжил Дункан. – Они познакомились летом в Вене, во время первой поездки Джины. Марина рассказала, что как раз думает переехать в Нью-Йорк.

– Как у нее дела? – с притворным интересом спросила Джина у Астрид.

– Все еще в Нью-Йорке, все еще работает над своим новым фильмом, но, полагаю, об этом вы и так знаете. В последнее время она мало что рассказывает.

Дункан улыбнулся и кивнул, но Джина заметила, как сжалась его челюсть. Он протянул руку.

– Был очень рад встрече. Думаю, нам с Джиной пора. У нас сегодня насыщенный день.

Астрид, казалось, была довольна их уходом, в отличие от Риккардо:

– Если вы задержитесь в Вене, мы бы хотели, чтобы вы присоединились к нам за ужином. Наши друзья будут здесь в восемь тридцать. В основном это люди с фестиваля.

– О, нет! – Астрид покачала головой, отчитывая его. – Не ставь их в неловкое положение. Вряд ли они хотят присутствовать на каком-то ужине с кучей унылых седовласых зануд. – А затем продолжила с заговорщицкой улыбкой: – У молодых влюбленных пар есть способы провести время лучше.

– Что вы! Мы были бы рады! – возразил Дункан. – Но боюсь, что не сможем.

Джина посмотрела на него, не понимая, что происходит. Влиятельные фигуры, подобные этим двоим, были из тех людей, к которым Дункану непременно стоило присоединиться за ужином. Почему же он отказывается? Возможно, есть

причина для такой реакции и она просто забыла о ней из-за провала в памяти? Она промолчала. Дункан поблагодарил за приглашение и повел Джину через вестибюль на улицу.

– Почему бы не поужинать с ними? – спросила она, как только они оказались на свежем воздухе. – Вроде интересные люди, которых мы вдобавок, как оказалось, знаем. Возможно, это было бы полезно для тебя.

– Вряд ли.

– Почему нет?

– Я сомневаюсь, что мисс Дю Белле – моя большая поклонница. С Мариной все получилось немного... неловко.

– Неловко? В каком смысле?

Джина пыталась казаться расслабленной и все же чувствовала, как в животе у нее затягивается узел.

– Творческие противоречия. Личные противоречия. Она наняла меня, чтобы я написал партитуру для ее фильма, но у меня ничего не вышло.

Дункан пожал плечами, явно надеясь, что Джина сменит тему, но его нежелание рассказывать только пробудило ее любопытство.

– Почему тебе настолько неловко из-за этого?

Дункан замер на месте, сосредоточившись на своих словах.

– Ты права, просто не хотел об этом вспоминать. – Он вздохнул, взъерошив волосы. – Марина приехала в Нью-Йорк через год после вашей встречи, сказала, что учится в

киношколе и работает над первым полнометражным фильмом. Ты нас познакомила, и она меня наняла. Я не был уверен насчет проекта, но деньги, которые она предлагала, и то, кем были ее родители... В общем, я не смог отказать. Как бы то ни было, в конце концов я так и не закончил работу, и все же она решила мне заплатить. – Дункан отвернулся и продолжил: – Я этого не заслуживал, но признавал, что мне нужны деньги. Так что взял их.

У Джины все сложилось: эта история и таинственный заказ, который Дункан обсуждал неохотно.

– Нужны для этой поездки? Это все на деньги Марины?

Он кивнул, все еще смущенно глядя вдаль.

Джина почувствовала облегчение. Это была история, в которую она могла поверить: он считал себя виноватым, когда столкнулся с матерью девушки, чьи деньги тратил, находясь здесь, – потому что в каком-то смысле подвел Марину.

– Поняла. Знаешь, я не думаю, что ты должен испытывать вину за то, что получил вознаграждение за свою незаконченную работу. Господь знает, что ты делал вещи, за которые не получил ни цента, так что теперь тебе причитаются деньги за то, что ты не делал.

– Спасибо. – Дункан наклонился и положил руки ей на плечи, прижавшись лбом к ее лбу. – Мне было стыдно рассказывать. Гора с плеч. Я ненавижу, когда у нас друг от друга есть секреты.

– Сколько их еще?

Джина улыбнулась, пытаясь обратить свои опасения в шутку. Ей хотелось верить, что вопрос решен, и все же в ней проснулось чувство, которое она не могла определить, но которое, должно быть, связано с забытыми событиями. Моргнув, она увидела силуэт женщины, резко опускающую бокал с вином. Джина не видела саму женщину и что ее окружает – только бокал и больше ничего, что могло бы намекнуть, что это значит.

Покинув отель «Захер», они двинулись по Кертнерштрассе. Небо становилось все темнее, и в магазинах вдоль улицы загорались огни. Джина ходила по этой улице раньше, во время своего тура по Вене, и вскоре четкие воспоминания вытеснили более смутные. Кертнерштрассе, на которой находились дизайнерские магазины, была любимым местом большинства танцоров. Здесь продавались платья, обувь или браслеты за тысячи шиллингов. Когда молодые девушки заходили в такой магазин, следом появлялись пожилые джентльмены, интересующиеся искусством, и через какое-то время радостные танцовщицы высыпали на улицу, нагруженные пакетами. Джина старалась быть непредвзятой, не осуждать их: у многих почти не было денег, не хватало даже на то, чтобы купить себе, друзьям и семье подарки на праздники. Благодаря своему состоянию она была избавлена от соблазна использовать поклонников, но знала, что другим устоять сложнее. Теперь она думала о Дункане – о том, как стыдно ему было принимать гонорар от девушки, у кото-

рой денег больше, чем таланта; компрометировать себя таким образом, и все ради того, чтобы они с Джиной могли отправиться в эту поездку вместе.

Она взяла его за руку, чувствуя, что ее подозрения рассеиваются. Джина знала, как больно Дункану зависеть от ее денег, как сильно он, должно быть, хотел побаловать ее сам. Что бы ни позволило им путешествовать, они здесь, и она постарается быть благодарной за это.

После Кертнерштрассе пара свернула налево, на Грабен, еще одну центральную улицу Вены: шестиэтажные белые здания выстроились аккуратными, величественными рядами, а в конце ее возвышалась церковь Святого Петра с медным куполом.

После посещения церкви Джина почувствовала голод. Они с Дунканом даже не подумали об ужине, но она предложила выбрать какое-нибудь заведение из расположенных вдоль аллеи. Район был многолюдным и веселым, рестораны за рестораном выходили на широкую улицу, столики располагались под гладкими квадратными зонтиками – коричневыми, красными, зелеными. Они выбрали место недалеко от большой готической колонны, увенчанной золотом, и заказали мясо с клецками, квашеную капусту и пиво. Пиво подавали в огромных кружках, но, к удивлению Джины, Дункан допил свой бокал, когда они были только на середине трапезы.

– Еще по одной? – спросил он.

Она согласилась, хотя и не очень хотела. По дороге из ресторана на Штефансплац ноги Дункана слегка заплетались, а его рука тяжело лежала на плече Джини. Однако в поезде, при ярком освещении, он, казалось, протрезвел, болтая о местах, которые они могли бы посетить на следующий день. Поезд остановился на Нестройплац, и в вагон вошел мужчина: бледный, рябой и со шрамом над бровью. Он сверлил взглядом Джину и Дункана, и она предположила, что он, должно быть, понял, что наткнулся на американцев, поскольку вскоре начал петь с нарочитым американским акцентом:

– *For all those times you stood by me...*

Она не узнала песню, которую мужчина продолжал напевать издевательски приторным тоном:

– *For all the truth that you made me see...*

– Это великолепно, спасибо. – Дункан попытался остановить мужчину, но его пение стало еще более пронзительным. – Нам выходить на следующей, – шепнул Дункан Джини, успокаивая, что ей не придется терпеть это слишком долго. Поезд подъехал к платформе, двери открылись, и через мгновение после того, как они сошли, мужчина выскочил следом и догнал их, продолжая петь. В конце концов Дункан развернулся к нему.

– Замечательно шоу, спасибо, но достаточно.

– Если вам понравилось, – ухмыльнулся мужчина, – почему бы вам не заплатить?

– А-а, так это вымогательство?

Дункан все еще пытался быть дружелюбным, но в его позе появилась определенная жесткость.

– Почему бы не поддержать местного певца? Это не слишком дорого.

Джина почувствовала запах алкоголя в дыхании мужчины.

– Давай, – подтолкнула она Дункана, надеясь быстро решить эту проблему.

Он вынул бумажник и протянул мужчине купюру.

– Спокойной вам ночи. – Дункан взял Джину за руку, и они пошли прочь.

Они вышли на улицу под темнеющим небом и поспешили от вокзала в направлении своего отеля, оставив позади на пустынной площади несколько человек. Джина не решалась оглянуться и поэтому не поняла, что мужчина преследовал их, пока не почувствовала, как руку Дункана вырвали из ее ладони. Нападавший опрокинул Дункана на землю и потянулся к его карману, пытаясь вытащить паспорт и бумажник. Джина застыла рядом, боясь оставить своего мужа, чтобы позвать на помощь, и в то же время чувствуя себя бесполезной из-за того, что ничего не предпринимает. Она закричала:

– Грабят! Полиция! Полиция!

Мужчина повернулся и рывкнул, чтобы она заткнулась. Это дало Дункану необходимую передышку. Оттолкнув нападавшего, он вскочил на ноги и нанес тому сильный удар

ногой в живот. Джина отшатнулась, потрясенная действиями мужа, в котором она никогда не видела ни намека на агрессию. Мужчина согнулся пополам, и Дункан снова пнул его, на этот раз в бок. Нападавший упал, потеряв равновесие. Дункан явно собирался ударить его и в третий раз, но Джина оттащила мужа:

– Остановись, остановись, пожалуйста, хватит! Давай просто уйдем!

Дункан выпрямился, тяжело дыша и ощупывая карманы, чтобы убедиться, что он ничего не потерял, и начал пятиться, боясь отвернуться и отвести глаза от нападавшего. Доковыляв таким способом до пешеходного перехода, они с Джиной перешли на тротуар, перебежали улицу, миновали квартал и оказались в вестибюле своего отеля.

– Вам нужно запереть двери, – сообщила Джина тому же клерку, который встречал их прошлой ночью.

– Что случилось, мадам?

– Какой-то мужчина напал на моего мужа, но мы сумели убежать.

– Боже милостивый! – Клерк нервно выскочил из-за стойки и повернул ключ во входной двери. – Поверить не могу, что такое произошло в моем городе! Какой ужас. Вы ранены?

– Мы просто напуганы, – ответила Джина, в то время как Дункан все еще молча смотрел на дверь и тяжело дышал.

– Вы его разглядели? – спросил клерк, тоже выглядывая наружу. – Сможете дать описание полиции?

– Никакой полиции, – хрипло проговорил Дункан.

– Если вам неудобно, – сказал клерк, – я могу пообщаться с полицией за вас.

– Я сказал – никакой полиции!

Клерк посмотрел на Дункана, сбитый с толку его грубостью. Джина тоже была изумлена и вспомнила, как ее муж пнул нападавшего, а потом еще раз – с такой безумной решимостью, как будто сражался не за бумажник, а за свою жизнь. Откуда в нем это взялось?

– Ты не думаешь, что мы должны хотя бы сообщить об этом? – мягко спросила его Джина.

– В этом нет никакого смысла. Полиция ничего не добьется. Этот мерзавец давно испарился, – выдохнул Дункан, явно стараясь сохранять спокойствие и аргументировать внятно. – Даже если они все-таки поймают его и решат судить, тогда нас задержат здесь или вызовут обратно в Вену, где бы мы ни находились, и мы проведем наш отпуск в зале австрийского суда, наблюдая, как какого-то подонка сажают в тюрьму на пять дней. Нет, Джина! Не после того, через что мы прошли, чтобы попасть сюда. – Его тон смягчился, и он обнял ее одной рукой. – Я был бы готов пожертвовать бумажником, но не временем вдвоем с тобой.

Стоя напротив Дункана, Джина ощущала жар его тела, запах его пота, смешанный с вонью, исходившей от нападавшего мужчины, и не могла скрыть своей тревожности.

– В чем дело? – нервно спросил ее Дункан.

– От тебя пахнет этим вором.

– Пойду приведу себя в порядок, – проговорил он и направился к лифту. – Обсудим все завтра! – крикнул он через плечо клерку, который выглядел недовольным, но не мог противиться желаниям гостя.

Джина и Дункан поднялись в свой номер. Оказавшись внутри, Дункан стянул с себя рубашку, затем отправился принимать душ. Джина ждала, пока он закончит, все еще переживая шок, не в силах успокоиться. Образ, который пришел к ней ранее этим вечером, вернулся: женщина, опускающая бокал с вином. На этот раз Джина увидела ее лицо: бледное, с полными губами и большими широко расставленными глазами.

Кто эта женщина? Что бы это могло значить? И почему она сама так взвинчена? У нее не было никаких рациональных оснований думать, что Дункан когда-либо изменял ей. Она ни разу не уличила его во лжи, или в сокрытии фотографий и писем, или в том, что он улизнул, чтобы сделать частный звонок. Но так ли это? Возвращаясь к последнему дню у Валензе, она вспомнила, как Дункан разговаривал с кем-то по телефону. Он утверждал, что это была его мать, только обычно он общался с ней совсем другим тоном. *«Я надеюсь, ты знаешь, что я никогда не хотел причинить тебе боль»*. Нет-нет, это был тон, который он мог позволить с Джиной или с любовницей!

Дункан вышел – чистый, теплый, завернутый в полотен-

це – и начал целовать ее. Джина сознавала, что он ищет способ отвлечься от случившегося, способ преодолеть возникшее между ними напряжение, и все же у нее это чувство не проходило.

– Дункан! – Она уперла ладони ему в грудь, сдерживая его напор.

Он еле слышно что-то пробормотал, продолжая целовать ее шею.

– Тот звонок, который ты сделал в гостевом доме в Валензе... ты звонил Марине?

Дункан резко прекратил ласки и удивленно посмотрел на нее.

– Что? О чем ты?

– В день, когда мы уезжали с озера Валензе, ты куда-то звонил. Я слышала, как ты разговаривал.

– Со своей матерью, я же сказал. Ты в этом сомневаешься?

– Я не знаю. Та пара сегодня...

– Сегодня был нервный день. Мне тоже до сих пор не по себе.

Дункан нежно взял Джину на руки и опустил на кровать. Он больше не целовал ее, а просто обнимал, чтобы утешить, но вместе с тем это заставляло ее чувствовать, что он пытается контролировать ее.

– Я думаю, нам нужно просто полежать вместе и расслабиться. Все будет хорошо. Мы в безопасности. Мы есть друг у друга, – проговорил он, глядя ее по волосам. – Верно?

Джина спала урывками, колеблясь между сном и явью — время от времени она замечала часы и Дункана, мирно спавшего рядом. Около четырех утра она внезапно выпрямилась, пораженная воспоминанием, связанным с женщиной, которая являлась в ее видениях. Они с Дунканом были на вечеринке в модном особняке, в который набилась сотня человек. Разгорелся скандал из-за очереди, образовавшейся у входа в уборную.

Один из гостей настойчиво стучал в дверь:

— Эй, тут люди ждут. Хватит трахаться!

Джина услышала голоса внутри и смех.

— Одну секунду! — крикнул мужской голос из-за двери.

Но человек в очереди не собирался ждать. Замок, должно быть, был слабым или дверь неправильно закрыта, потому что она распахнулась и показалась худенькая блондинка, задравшая юбку. С ней был еще один человек, молодой парень. Когда он услышал, как открылась дверь, то отскочил и обернулся. Это был Дункан.

Джина развернулась и ушла, а он бросился за ней. Он клялся, что ничего не произошло, никакого секса. Блондинка прыгнула в уборную и затащила его туда, а он не знал, что делать.

— Я просто не хотел ее обидеть. Она же твоя подруга. Ты

хотела, чтобы я с ней познакомился.

И тут ее осенило: то, что она сразу поняла тогда, ей пришлось заново осознать сейчас — девушка в уборной была той самой, которую она встретила в Вене прошлым летом, той самой, которую она попросила встретиться с мужем, надеясь, что она сможет дать ему работу и заплатит Дункану гонорар, на который теперь они устроили поездку: Марина Дю Белле.

* * *

Джина оглядела полутемную комнату, слишком взволнованная, чтобы спать. Ей пришлось встряхнуться, дабы избавиться от раздражения. Временами ей казалось, что только в движении она может разобраться в своих ощущениях, в то время как в положении лежа ее чувства становились запутанными и неразборчивыми. Сначала она обошла комнату, а затем вышла в холл, позволяя своим ногам и мыслям двигаться то в одном направлении, то в другом.

Дункан ей изменял? Завел роман с дочерью аристократки? Он мог поддаться на ее лесть — он всегда тихо жаждал признания. А Марина, молодая, с хорошим вкусом и связями, поверила в него, предложила помощь, деньги. Что им двигало? Сочетание амбиций и похоти? Сочетание чересчур мощное, чтобы он мог сопротивляться.

Какое-то время ее убеждала собственная теория, но по-

том она быстро отвергла ее: это всего лишь теория. Вероятно, Дункан позволил себе немного поощрить интерес Марины, зная, что она может быть ему полезна, и зная, что в целом ее интерес для него ничего не значит. Отличалось ли это чем-то от поведения молодых танцовщиц в Вене, которые позволяли мужчинам постарше оплачивать их походы по магазинам? У Джини не было никаких доказательств того, что Дункан изменял ей, и доселе не возникало ситуаций, которые заставили бы ее думать, что он был неверен.

Она вернулась в постель, но обнаружила, что не может лежать спокойно. Через некоторое время снова встала и принялась расхаживать по комнате. Дункан никогда не заставлял ее сомневаться в своей верности. Она знала, что не должна ничего подозревать, но она была сама не своя. Почему бы не успокоить саму себя, если есть такая возможность?

Она подошла к чемодану и открыла отделение на молнии, где Дункан хранил свою рабочую папку. Между ними была договоренность, что она не станет заглядывать внутрь, не станет совать нос в то, что писал Дункан, а дождется того времени, когда он будет готов представить все сам. Чувствительность Дункана даже научила ее отводить глаза, когда он открывал эту папку. И все же сегодня, движимая призрачным ощущением предательства, которое не покидало ее, она решила нарушить договор.

Джина бросила последний взгляд на мирно спящего Дункана, прежде чем отнести папку в ванную. По бокам были

карманы. Левый заполнен нотами, а в правом лежали документы, которые Дункан посчитал необходимым взять в путешествие – медицинские карты, больничные счета – ничего неподобающего, так что на мгновение Джине стало стыдно за то, что она это делает. Она уже собиралась вернуть папку на место, как вдруг что-то выскользнуло из-под нот. Конверт. Она подняла его с пола и узнала адрес, написанный ее рукой: *Фрэнку Рейнхольду, Сандовал-стрит, 112, Санта-Фе, Нью-Мехико.*

Письмо, написанное на озере Валензе. Может быть, Дункан просто забыл отправить его? Хотя она была почти уверена, что видела конверт на столе мисс Арнер перед тем, как они покинули гостевой дом. Возможно, существовало какое-то разумное объяснение тому, что он хранил его, и все же сомнения, вызванные этой находкой, побудили ее продолжить поиски. Следующий предмет, который она нашла, также был спрятан в дальнем конце, за листами с композициями. Открытка, адресованная ее самой близкой подруге Вайолет, сейчас живущей в Праге.

Вайолет Шарп, Национальный театр марионеток, Прага.

Джина заметила, что на подписи в открытке была та дата, когда произошел несчастный случай. Должно быть, она собиралась отправить ее в тот день. Она села на край ванны,

чувствуя головокружение.

По словам Дункана, они с Вайолет поссорились, пережили разрыв, так что Джина решила не видеться с ней в этой поездке. Между тем открытка начиналась с дружеского объ-явления о ее визите:

Дорогая Вайолет,

Хорошие новости. Я планирую прилететь в Прагу на следующей неделе! Не могу дождаться нашей встречи. Кажется, прошла целая вечность с тех пор, как мы виделись. Так много всего произошло после того, как ты уехала из Нью-Йорка. Мой мир рухнул. Худшее позади, как ты зна-ешь, и в последнее время я чувствую себя счастливее и бу-ду еще счастливее, когда увижу тебя. Мне так не терпит-ся узнать, как ты живешь в Праге. Перемены – это благо-словение, как хорошие друзья, за которых мы держимся на протяжении всей жизни.

С любовью, Джина

Текст записки еще больше встревожил ее – не было ни-каких указаний на какую-либо ссору, о которой упоминал Дункан, да и его описание прошедшего года как безоблачно-го, видимо, тоже было ложью. Согласно этой записке ее мир в Нью-Йорке *рухнул*.

Джина сидела неподвижно, не зная, что делать дальше, то ли разбудить Дункана и потребовать ответов на свои много-численные вопросы, то ли отложить все это и подождать, по-

ка мысли не успокоятся и она не сможет вернуться к критическому мышлению.

Почему Дункан соврал, что они с Вайолет в ссоре, почему он хотел оградить ее от подруги? Джина могла найти этому только одно объяснение: он хотел предотвратить встречу с Вайолет, у него была причина бояться, поскольку Вайолет владела информацией об их прошлом, которую Дункан скрывал.

Что он натворил? Что-то ужасное?

Джина хотела бы забыть все это, положить папку обратно и вернуться к любви, к Дункану так же просто, как раньше. Мысль о том, что она не любит его, не верит, что он был честен с ней, настолько выбила из колеи, что открытка выпала из ее дрожащих рук.

Только тогда Джина заметила фотографию на другой стороне. Открытка была из галереи ее отца, и изображение соответствовало ее видению: она стоит перед их с Дунканом портретом. Дункана было видно лишь наполовину, потому что его заслоняла другая фигура – мужчина, высокий, стройный, светловолосый. Он стоял так близко к Джине, что их плечи почти соприкасались. Он повернулся к ней, будто хотел что-то прошептать ей на ухо.

* * *

Джина вздохнула, а затем, собравшись с духом, натянула

свитер и вышла в вестибюль отеля. Она захватила открытку с собой, чтобы иметь под рукой адрес, по которому они проживали в Берлине: *Отель де Рим, Береништрассе, 37.*

Портье сидел за своим столом перед миниатюрным телевизором и смотрел сериал «*Секретные материалы*» на немецком языке. Мужчина, всецело поглощенный зрелищем, удивился внезапному появлению Джины и поспешил убрать звук.

– Простите, что беспокою так поздно, – проговорила она, – могу ли я позвонить от вас? Муж спит, не хочу его беспокоить.

– Значит, все-таки решились вызвать полицию? – с надеждой спросил клерк.

– Нет, никакой полиции. Мне нужно позвонить в другой отель.

Мужчина казался разочарованным, но услужливо вытащил телефон из-за стойки. С помощью клерка она сначала набрала справочную и попросила его повторить номер по-немецки. Трубку сняли быстро. Джина объяснила женщине на линии, что она была гостьей в отеле несколько недель назад.

– Замечательно! Мисс Рейнхольд, что я могу для вас сделать?

Джина сама не была до конца уверена, чего ожидает, и все же предчувствие заставило ее спросить:

– Я внезапно уехала, и мне интересно, вдруг кто-то оста-

вил какие-то сообщения для меня?

– Сейчас проверю, мадам. – Женщина поставила звонок на удержание, в трубке заиграла музыка. Клерк откинулся на спинку стула и возобновил просмотр сериала, убавив громкость. – Мисс Рейнхольд?

– Да-да, я здесь.

– Извините за задержку. Для вас действительно есть сообщение. – Сердце Джины учащенно билось; она закрыла глаза. – От Грэма Бонафэра. Он просит связаться с ним как можно скорее, где бы вы ни находились. Он говорит, что это очень важно.

Грэм Бонафэр. Имя было знакомым, и все же она не могла вспомнить того, кто его носил.

– Он оставил для вас свой берлинский номер. Если у вас есть ручка, мисс Рейнхольд, я могу продиктовать его.

Рука Джины так сильно дрожала, что она писала с трудом. Она подумала, не набрать ли ей этот номер прямо сейчас. Нет, сначала нужно успокоиться. Вернувшись в свою комнату, она положила листок с номером Грэма в сумочку, затем зашла в ванную, чтобы убрать папку, которую впопыхах оставила лежать на полу. Когда все было приведено в порядок и вернулось на свои места, она легла в постель.

Несколько часов она лежала без сна, терзаемая сомнениями, наблюдая, как Дункан мирно сопит рядом с ней. Она решила связать свою жизнь с этим мужчиной, полагая, что никто другой не способен понять ее так, как он. Ее Дункан.

Одержимый ею. Только сейчас, в этой темной комнате, он казался сплошной скрытой тенью. Какую часть правды он утаивал? Как долго? Был ли Дункан, лежавший сейчас рядом с ней, тем человеком, за которого она его принимала?

Глава четвертая

Дункан

Томс-Ривер, Нью-Хейвен, 1971–1992

Все детство Дункана настроение его матери определяло погоду в доме, точно было небом, под которым он жил. Когда ей было хорошо, он мог ненадолго забыть о ее существовании и целый день чувствовать себя свободным и ни в чем не виноватым – тусоваться после школы с друзьями, неторопливо идти домой с симпатичной дочерью соседа. Но затем внезапно, без предупреждения страх его матери прорывался наружу, и, войдя в парадную дверь, он заставлял ее плачущей в объятиях отца. Ее красивое молочно-белое лицо искажалось, когда она всхлипывала:

– Как ты мог уйти так надолго? Как ты мог заставить меня волноваться?

– Прости, мамочка, я уже здесь. Пожалуйста, не плачь.

Даже в юном возрасте Дункан сознавал свою порочность, будучи потрясенным тем, что его мать испытывает такую боль, наверняка считая, что он намеренно огорчил ее и даже получил от этого удовольствие. Он чувствовал себя совершенным злодеем и в течение последующих недель старался загладить вину, делал все, чего она хотела: слушал с ней классическую музыку или помогал по дому. Повзрослев,

Дункан начал осознавать радикальность требований своей матери и то, насколько глубоко они с отцом подчинены ей.

Это прозрение могло принести ему облегчение, но в то же время он пришел к пониманию, насколько трагична история ее жизни. И тот ужас, который она перенесла в прошлом, делал невозможным обвинять ее в чем-либо. Детство его матери во Франции было кошмаром: в течение нескольких лет она не знала, живы ее родители или мертвы, увидит она их когда-нибудь или нет; она все время боялась, что однажды кто-то из детей в ее городе, знавших, что она еврейка, расскажет немцам, и ее схватят и убьют. После войны она воссоединилась со своей семьей, но их осталась только половина. Отец умер от пневмонии, брат, отправленный жить в другую семью, сбежал и так и не был найден. Затем мать Дункана приехала с его бабушкой в Штаты и спустя пятнадцать лет вышла замуж за отца Дункана, кроткого сына польских иммигрантов, раздавленных Великой депрессией.

Родители Дункана открыли магазин канцелярских товаров и обустроили дом в Томс-Ривер, штат Нью-Джерси, который на первый взгляд казался таким же безопасным, как и любой другой. Но внутри дом отличался: он был темным и все внутри отдавало безнадежностью. Хорошо тем, кто верит, что жизнь – это игровая площадка, хорошо тем, кто может кататься по городу на скейтбордах или целоваться с девушками за кинотеатром, но Дункан постоянно был вынужден оставаться в поле зрения своей матери.

Именно поэтому он направил всю свою энергию на фортепиано. Его мать хорошо играла, и покупка пианино стала одной из немногих светлых сторон их жизни. Сидя на стуле у инструмента, Дункан порой переводил взгляд с нот на улицу, где другие дети играли в бадминтон или плескались в надувных бассейнах.

Он открыл для себя музыку так же, как, по его мнению, другие одинокие дети сделали это до него – как средство выразить свои чувства, свое любопытство, все то, что он не мог высказать никаким другим способом. Мама ухватилась за его интерес и способности и сама давала ему уроки. Однако примерно к тому времени, когда ему исполнилось тринадцать, он превзошел ее в мастерстве, и она решила потратить отложенные деньги на учителя музыки, которая приходила к ним домой два раза в неделю. Ее звали Лилиан, и она была хорошенькой, доброй и немного застенчивой, в очках, с темными волосами, короткой челкой и мягким певучим голосом.

Дункан обожал ее. Всю неделю он готовился к встрече, надеясь не только поразить ее своей игрой, но и найти другие способы произвести впечатление на эту редкую красивую гостью. Он прослушал всю классическую музыку, которая попалась ему под руку. Дункан также начал придумывать свои собственные пьесы, модифицируя те, которые Лилиан давала ему для практики. Ни одна из них не была особо оригинальной, но его первые попытки удивили Лилиан больше,

чем он мог предположить.

— Дункан, это прекрасно! — восхитилась она, положив маленькую бледную руку на грудь. — Можешь сыграть еще раз?

Конечно, он мог! Не было слов, которые он жаждал услышать так сильно, как похвала созданному им произведению. Играя, он не мог удержаться от улыбки и украдкой поглядывал, как она закрывает глаза или откидывает голову назад, обнажая бледную шею. Это было похоже на волшебство — иметь возможность вызывать такие эмоции у взрослой и прелестной женщины. Дункан словно переставал быть застенчивым тринадцатилетним подростком, который никогда бы ее не заинтересовал, и становился хозяином ее чувств. Сильным. Мужчиной.

Он начал заикливаться на будущем, где представлял себя успешным композитором, которым восхищались его сверстники и какая-нибудь нежная, романтическая женщина, как, например, его учительница фортепиано. Вскоре ничто другое не интересовало его так сильно, как написание музыки. Никакая легкомысленная игра с соседскими мальчиками и девочками не сравнится с тем, как Лилиан хвалила его, утверждая, что он особенный, что у него дар, чего его мать, не слишком озабоченная проявлением какой-либо доброты, никогда не делала.

Если бы только этот дар остался их тайной, они с Лилиан могли бы продолжать в том же духе гораздо дольше, но в конце концов она поняла, что Дункану нужно больше, чем

она может ему дать, и посчитала себя обязанной высказать его матери свое мнение. Она считала Дункана музыкальным гением, у которого при правильном обучении и поддержке был шанс стать очень талантливым композитором.

– И вы сказали ему об этом? – спросила мама, пока мальчик подслушивал из соседней комнаты. – Вы внушили ему подобные мысли?

– Я пыталась подбодрить его, если вы об этом.

– Вас не для этого нанимали, – ответила мать строгим тоном, отчего ее эльзасский акцент стал еще более заметным.

Дункан понял, что совершил ужасную ошибку, не помешав Лилиан поговорить с матерью. Он тут же разозлился на себя за то, что не смог предугадать такую реакцию. Лилиан недоумевала – разве каждая мать не будет вне себя от радости при мысли о том, что ее ребенок талантлив? Она не представляла, что за женщина Эстер Леви. По мнению его матери, музицирование было хобби, частью становления культурного человека, но нельзя допускать, чтобы это мешало учебе или карьере. Ни она, ни отец Дункана не смогли поступить в колледж, и даже по скромным стандартам большинства жителей Томс-Ривер они жили довольно бедно. Все накопленные средства были переведены на счет для обучения Дункана в колледже. Как и многие родители-иммигранты в Америке, его мать считала, что она отказывает себе в роскоши, чтобы позже Дункан мог ее себе позволить. В свою очередь она ожидала от него, что он в конечном итоге вы-

берет надежную и прибыльную сферу, такую как финансы или юриспруденция, чтобы ее жертва не оказалась напрасной. Музыка была развлечением, фантазией о его художественном величии, которая только угрожала отвлечь его.

Тем не менее Лилиан надеялась убедить Эстер, и вскоре женщины вышли из кухни и попросили Дункана исполнить сочиненные им пьесы.

Его пальцы будто одеревенели, когда он заиграл, словно осуждение его матери проникло сквозь его кожу и суставы. Мелодии, которыми он так гордился, глядя, как слушает Лилиан, теперь звучали как безжизненные имитации. Одна пьеса была просто вариацией на главную тему из неоконченной симфонии Шуберта, другая – как вторая часть Первой сонаты для виолончели Мендельсона, а третья представляла собой модифицированный этюд Шопена.

– У него действительно есть слух, – начала мать Дункана, – и некоторая техническая сноровка. Но я не вижу никаких свидетельств большого музыкального воображения. Ничего похожего на ту гениальность, о которой вы говорите.

Дункан был опустошен. Гнев клокотал в нем, как музыка. Он хотел бросить вызов прямо здесь и сейчас, сказать решительным тоном все то, что хрупкость его матери не позволяла ему когда-либо выразить словами. Находясь между разочарованием и печалью, он уже слышал начало пьесы, затравленное, полное уныния – состояние, которое навела на него мать. Однако внезапно осознал, насколько его музыкальная

идея напоминает мелодию из «Александра Невского» Прокофьева, и почувствовал еще большую ярость. Может быть, мама права? Неужели все, на что он способен, – это подражать мастерам и дурачить молодую женщину, заставляя ее думать, что он может больше?

После этого Лилиан у них больше не появлялась.

Мать не запретила уроки совсем, но заменила нежную женщину, верившую в него, на ожесточенного пожилого мужчину, которого передергивало при малейшей ошибке в игре Дункана. Мальчик возненавидел своего нового учителя и впервые рискнул почувствовать неприязнь к своей матери. Она изолировала его от одноклассников, сделала из него чуждака, застрявшего дома в одиночестве, а затем лишила общения с единственным человеком, который вытащил его из этого одиночества и заставил поверить в свой талант. Какими бы мотивами ни руководствовалась мама, представляя все как заботу о том, чтобы у него все было хорошо, чтобы в будущем он добился успеха, – теперь он видел ее истинную цель: то была преднамеренная кампания, направленная на то, чтобы заманить его к ней, в ловушку ее страданий. В нем укоренилось желание перемен. Он начал культивировать личную свободу, держать свои мотивы в секрете, мечтать о жизни отдельно от своей матери, тщательно скрывая все это от нее. Тихонько, изображая послушание и усердие, он готовил свой побег.

Поступление Дункана в Йель на стипендию после получе-

ния высоких оценок по предметам, которые давались легко, поскольку дома кроме учебы заняться было нечем, означало, что он свободен и может покинуть дом Леви. Ему удалось добиться места, которое, по мнению матери, наставит его на путь к уважаемой профессии, той, которую она для него желала. Для нее его поступление означало безопасность, для Дункана – свободу. Будущее было широко распахнуто перед ним.

Дункан испытывал восторг от учебы в Йеле с того самого дня, как переступил порог кампуса. Каждая деталь наводила на мысль о приключении: широкие яркие лужайки и тусклые гулкие залы, величественные готические здания и неровные улицы города. Его ни в малейшей степени не беспокоили ни рассказы матери об уровне преступности в Нью-Хейвене, ни тараканы, которых он обнаружил в своей комнате в общежитии. Его даже не беспокоил высокомерный сосед по комнате – Блейк Флурной.

На первый взгляд тот казался просто избалованным придурком из подготовительной школы, который постоянно подшучивал над Дунканом, заставляя его чувствовать себя нервным, безнадежным, обреченным на отчаяние, столь же неизбежное, как для Блейка – наслаждение. Он заселился после Дункана и при этом умудрился претендовать на верхнюю койку.

– Будь начеку, приятель, – напевал новый сосед, складывая свою одежду в комод побольше. – Ты больше не живешь

с мамочкой.

Он был покровительственным, упрямым и самодовольным. Дункан увидел это сразу, но со временем обнаружил в своем соседе и другие качества, которые в конечном итоге расположили к нему. Блейк не знал границ; он брал – но и щедро отдавал: он одалживал свою одежду и платил за выпивку, зная, что Дункан работает и учится одновременно. Он также с готовностью придумывал оправдания для мисс Леви, ослабляя ее контроль над сыном способами, которые Дункан даже представить не мог.

Беспечное отношение Блейка к правде принесло Дункану облегчение – было очень удобно отказаться от необходимости выглядеть хорошим и приятным человеком. Впервые благодаря новому соседу Дункан познакомился с некоторыми из своих самых эгоистичных и темных сторон.

Ему предстояло многому научиться у Блейка.

Вместе со своим соседом по комнате Дункан наконец обнаружил, как получать то что хочется, особенно от женщин. По выходным Блейк приглашал Дункана поужинать и выпить в «Йорксайд Пицца» или в другие местные заведения. Там Блейк подходил к любой девушке, которую хотел, и стаскивал ее со стула, чтобы потанцевать. По вечерам в будние дни, имея Блейка в качестве напарника, Дункан получал шанс пообщаться с девушками, играя на пианино в комнате отдыха колледжа – с явной целью привлечь женское внимание. Опыт общения с Лилиан научил его, что определенный

тип девушек можно расположить к себе своим талантом. В любом случае, это был единственный трюк в его арсенале. Так что они с Блейком приходили к обеду, когда десятки студенток сновали туда-сюда в столовой, и Блейк подзывал их, чтобы они обратили внимание на мальчика с милым лицом, который так хорошо играл на фортепиано.

– Этого маэстро зовут Дункан, – говорил Блейк, когда случайная девушка подходила послушать. – Я вынужден сам его представить – он слишком застенчивый.

Дункан был в ярости, когда Блейк сказал это в первый раз, но вскоре, преодолев свое смущение и заметив, что девушка заинтересовалась им, он осознал ценность метода Блейка. К его удивлению, застенчивость и чувствительность сыграли на руку с изрядным количеством девушек – на самом деле их было так много, что вскоре это стало проблемой. Сначала он был так польщен интересом, который к нему проявляли, и так боялся кого-нибудь разочаровать, что ходил на свидания со всеми, кто его приглашал. Дункан связал себя с вереницей девушек, хотя они ему не особо нравились. Наконец к весне первого курса он поклялся себе, что будет встречаться только с той, в кого влюбится по уши. Он перестал играть на пианино в комнатах отдыха и начал практиковаться в частном порядке в одном из концертных залов кампуса. Однажды апрельским вечером он услышал музыку, доносящуюся из комнаты дальше по коридору. Там на сцене танцевала девушка.

Она двигалась, находясь лицом к стене, ее бронзовые кудри колыхались в такт. Дункан наблюдал за ней некоторое время, прежде чем она повернулась. Внезапно он осознал, что не заговорил и не отпрянул, а просто продолжил стоять максимум в двадцати футах от нее. На сцене горел свет, но остальная часть комнаты была темной – могла ли девушка вообще заметить его? Она выглядела полностью поглощенной тем, что делала, словно в трансе. Когда она снова начала танцевать, у нее вырвался тихий смешок – возможно, она смеялась над Дунканом... или над собой. Но он обнаружил, что его переполняет желание снова услышать ее смех.

Он начал репетировать с отработанной самоотдачей, главным образом в надежде, что их пути снова пересекутся. В ожидании ее прихода Дункан оставался и практиковался порой до поздней ночи, тайно надеясь, что это случится именно сегодня. Однажды вечером у него сложилась мелодия, и вскоре он придумал большую часть сонаты, одночастного произведения, насыщенного меланхолической тоской, но перемежающегося более легкой темой, которая напоминала ему смех той девушки. Дункан быстро закрыл ноты и ждал несколько дней, прежде чем осмелился повторить свое произведение.

Когда Дункан все-таки смог вернуться к своему творению, его надежда оправдалась: впервые в своей жизни он написал оригинальное и впечатляющее музыкальное произведение.

Вскоре наступили летние каникулы, и, несмотря на напоминания матери о том, что он учится для получения полезных навыков, по возвращении осенью Дункан записался на свой первый композиторский урок. Он потратил время на совершенствование сонаты и представил ее в качестве промежуточного задания, произведя на преподавателя такое сильное впечатление, что тот попросил Дункана выступить с сольным концертом. В ноябре Дункан исполнил свою композицию в Вулси-холле, и ему посчастливилось увидеть настолько грандиозное помещение заполненным на треть. Втайне он надеялся, что та девушка может находиться среди слушателей, но едва мог поверить в свою удачу, когда после шоу его встретили восхищением и протянутыми руками, а она прошла мимо него с бронзовыми волнистыми волосами, рассыпанными по плечам. Вблизи она оказалась ниже, чем он предполагал, более миниатюрной. На ней было белое деревенское платье, не похожее на ту одежду, которую носили большинство девушек в кампусе. Ее имя – Джина Рейнхольд – он узнал от Блейка.

Она специализировалась на танцах, поведал Блейк с явным презрением. Дункан мог догадаться о его мыслях: какой нормальный человек стал бы тратить образование в Йеле на выполнение пируэтов? Тогда Дункан не решился сказать ему, что опыт выступлений и надежды на встречу с Джиной уже побуждали его уделять больше времени своей музыке. Вскоре он распространил слух о том, что ему было бы ин-

интересно сочинять музыку для танцоров. После этого ему позвонил студент-хореограф, который устраивал шоу; Дункан сразу же согласился прийти на репетицию. Возволнованный, полный надежд, Дункан прибыл туда следующим же вечером, и на сцене среди множества танцоров была она, Джина Рейнхольд.

Джина стояла впереди, возможно, потому что она была ниже других танцоров, но он был уверен, что руководитель признавал, что она являлась лидером. Хореограф рассказал, что новая пьеса должна запечатлеть борьбу за объединение людей. В этот момент танцоры импровизировали, двигаясь синхронно и не синхронно, выполняя осторожные, неестественные движения, но Дункан не сводил глаз с Джинны, которая была непостижимой, извиваясь среди других тел, посылая то одного, то другого танцора в серию восторженных кружений по сцене. Ее энергия приковала внимание Дункана. Наблюдая за ней, он ощутил, что все, к чему он стремился, – убежденность, освобождение, трансцендентность, было здесь воплощено в рамке высотой пять футов два дюйма.

Он хотел поразить ее и поэтому провел следующие дни, пытаясь придумать великолепное и глубокое музыкальное произведение. Но ничто из того, что он написал, не казалось свежим. Дункан начал паниковать при мысли о неудаче; он действовал импульсивно, чтобы сблизиться с девушкой, которой восхищался, и вызвался сделать то, чего на самом деле не мог. На следующее утро он пришел на репетицию по-

раньше, чтобы встретиться с хореографом и объяснить, что не может продолжить работу с ними. Однако тот опаздывал, и единственным человеком, оказавшимся на месте, была девушка, которую он больше всего боялся увидеть: Джина.

Должно быть, Дункан выглядел готовым сбежать, потому что она сразу же спросила, что случилось.

– Я... просто пришел сказать, что... не могу этого сделать... музыку. Вы можете передать это хореографу?

– Что ж, – просто сказала она, – но, если не возражаете, я хотела бы узнать, почему вы решили, что не можете?

Он был удивлен ее вопросом, никак не ожидал, что ему придется оправдываться перед ней.

– Я... Я не могу заставить себя сделать это. Мелодии иногда... просто не приходят. Я не могу контролировать подобное.

Дункан ожидал, что ее устроит такое объяснение, но Джина за кулисами оказалась такой же бойкой, как и на сцене.

– А как обычно эти мелодии приходят?

Дункан объяснил свой способ – он начинает с произведения другого человека, экспериментирует с импровизациями, отталкиваясь от них. На ум пришло только одно исключение, но тогда он был слишком смущен, чтобы признаться ей в этом: партия, которую он написал о ней, была другой. Идея пришла к нему сама по себе.

– Ты когда-нибудь раньше работал совместно с другим музыкантом или танцором?

– Нет, – признался Дункан, – никогда.

Джина рассказала о том, как это делала пианистка в ее школе танцев в Санта-Фе. Она какое-то время наблюдала за движениями танцоров, а затем придумывала музыку, гармонирующую с их выступлением.

– Может, мы попробуем так же?

Несмотря на сомнения, Дункан согласился попробовать, потому что не мог представить, что откажет ей. Она избежала на сцену, и он сел за пианино, чтобы посмотреть ее танец. Дункан предполагал, что ей будет некомфортно без других танцоров, но она без колебаний бросилась вперед, ее фигура сжалась в одиночестве, а затем вырвалась наружу, принялась что-то искать. Ради него она добавила чувств в каждое движение, чтобы он мог лучше уловить тон, и он позволил своим пальцам бегать по клавишам, чтобы не отставать. Звучала музыка.

Через мгновение Джина остановила его:

– Это красиво, но, может, даже чересчур красиво? Мне кажется, нужно что-то более неуверенное, даже напряженное.

– О, ладно. Я понял. Тогда попробуем вот так.

Дункан добавил больше двусмысленности в виде приостановленных и низких аккордов и тут же понял, что да, Джина была права. Он продолжал, пока несколько мгновений спустя девушка снова не остановила его:

– А вот тут тон меняется. Здесь меньше амбивалентности,

больше уверенности.

– Может, так?

Он попробовал более смелый пассаж в мажорной тональности.

– Более нежно, более мечтательно.

Дункан замедлил шаг, вдумываясь в ее слова. До сих пор Джина поражала его издавна той энергией, которую она излучала, но здесь, работая с ней, он начал понимать, что ее вдохновляет. Инстинкты Джины были настолько остры и она настолько доверяла им, что каждая фраза и движение, исходившие от нее, казались необычайно убедительными. Ее жизнерадостность поразила его так, что она показалась ему более реальной, чем он сам.

Дункан продолжал следовать всем ее советам, и в конце концов, когда он воспроизвел пьесу заново, учтя подсказки Джины, он был поражен, обнаружив, что получилось намного лучше, чем он даже представлял.

«Ты великолепна». Эти слова чуть не вырвались наружу – давление такого личного признания, откровения было так велико, что его сердце начало бешено колотиться. Дункан почувствовал, что краснеет от охвативших его мыслей: Джина возвысила его, приблизила к лучшей версии его самого. Произошло нечто чудесное, и он не знал, как передать это или что делать со всей энергией, всколыхнувшейся в нем, и поэтому он сыграл пьесу для нее снова, на этот раз бегом и в более быстром темпе. Джина не отставала, изобретая новые

движения, которые еще лучше соответствовали музыке. Когда они закончили, тяжело дыша и не зная, что тут можно сказать, они просто стали смеяться.

С того дня Дункан был уверен, что должен найти какой-то способ сделать Джину частью своей жизни.

У него было три недели ежедневных репетиций, в течение которых он мог бы сблизиться с ней, – хотя такая обстановка не располагала к уединению. Чтобы уйти одновременно с ней, он начал задерживаться у пианино после занятий, пока она переодевалась, притворяясь, что творит. Если Джина и догадывалась о чем-то, она никак этого не показывала и не подтрунивала, тем самым избавляя его от смущения; в любом случае, в своей решимости он вдруг обнаружил, что ему все равно: он не перестанет этого делать, даже если она раскроет его трюк. После нескольких ночей этой шарады он увидел, как она придержала для него дверь, когда они уходили, чтобы они могли идти вместе.

Джина была дружелюбна, и хотя он стеснялся, находясь наедине с ней, она легко заполняла тишину, когда они шли по улицам кампуса:

– Мне интересно, когда ты начал играть? Ты слишком молод, а уже по-настоящему хорош.

– В пять или шесть лет. Точно не помню. Я всегда немного сочинял. У нас стояло пианино – моя мама играла, и дома было чертовски мало других занятий. – Он подумал было, что описание болезненно скучного детства может заставить

ее проявить к нему больший интерес, но быстро переключил внимание на нее: – Знаешь, меня больше интересует твоя история, чем собственная.

Пока они медленно прогуливались по Старому двору кампуса, она рассказала ему о себе, о том, как выросла в Санта-Фе, что она единственный ребенок двух художников.

– Не знаменитый или что-то в этом роде, но папа живет этим, рисует каждый день.

– А твоя мама?

– У нее был инсульт, когда мне было девять.

Дункан не смог понять, жива ее мать или умерла, и слишком испугался, чтобы уточнить. Он также был слишком напуган, чтобы спросить, связано ли увлечение танцами и ее неудержимость на сцене с этим событием. У него в голове возник образ – образ маленькой Джины, танцующей, в то время как ее мать сидит неподвижно, и казалось, этот переизбыток эмоций в девочке произрастал от поглощения той живости, которую ее мать уже не могла выразить самостоятельно. Тогда он испытал к ней невыразимую нежность. Все его тело, казалось, покалывало от холода.

– Мне жаль.

Джина посмотрела на него. Ее глаза были широко раскрыты; вероятно, она сама была удивлена, позволив незнакомцу так близко и так быстро подойти к чему-то настолько личному.

– Спасибо, – проговорила она, ее голос дрожал от эмо-

ций. – Но знаешь, ее болезнь научила меня кое-чему. Заставила меня проснуться и осознать, что нет никакой гарантии на завтра и нет такого понятия, как безопасный выбор. – Она замедлила шаг, как будто обдумывая серьезность этой мысли. – Ты можешь потерять все в любую минуту. Так зачем же ждать? Зачем идти на компромисс? Если ты чего-то хочешь – возьми это!

– Ты права! Абсолютно права!

И все же те руки, которые так сильно хотели обхватить ее, оставались спрятанными в карманах, вдавленными так глубоко, что могли порваться швы. Джина была права: если Дункан хочет ее, он должен что-то делать.

Чем дольше они разговаривали, тем отчетливей он понимал, насколько хорошо она уже знает себя и свое будущее. На втором курсе колледжа она поняла, какую жизнь хотела бы вести. После окончания учебы она собиралась переехать в Нью-Йорк и присоединиться к одной из экспериментальных танцевальных трупп в центре города. Она планировала танцевать до двадцати пяти лет, затем родить ребенка, взять отпуск на год и после продолжить танцевать столько, сколько сможет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.